

ТЕОРИЯ ДЕВУШКИ

ТИККУН

Г И Л Е Я

Тиккун

ТЕОРИЯ ДЕВУШКИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Перевод с французского
Степана Михайленко

ГИЛЕЯ 2014
МОСКВА

Серия «Планы на Будущее»
Марка серии — рисунок Д. Бурлюка. 1914
Общая редакция С. Кудрявцева

Перевод сделан по изданиям: *Tiqqun*. 1999. № 1
и *Tiqqun. Premiers matériaux pour une théorie de la Jeune-Fille*.
Paris: Mille et une nuits, 2001

Переводчик выражает благодарность
К. Жилиной, М. Осоловской, В. Садовскому за помощь в работе

В оформлении обложки использована работа
Р. Лихтенштейна «Плачущая девушка» (1963)

ISBN 978-5-87987-089-3

*При перепечатке этого текста или его фрагментов
желательно указывать имя переводчика*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 9

- I. Девушка как феномен 19
- II. Девушка как техника себя 39
- III. Девушка как социальное отношение 50
- IV. Девушка как товар 60
- V. Девушка как живая валюта 72
- VI. Девушка как компактное политическое устройство 80
- VII. Девушка как военная машина 86
- VIII. Девушка против коммунизма 93
- IX. Девушка против себя самой: Девушка как невозможность 99
- X. Покончить с Девушкой 107

Приложение

Предисловие 1999 года 115

Краткая история журнала «Тиккун» 123

Глоссарий в помощь читателю «Тиккуна» 128

— I did love you once.

Hamlet

Введение

I

Под гипнотической гримасой официального умиротворения скрывается война. Война, которую нельзя больше назвать просто экономической, социальной или гуманитарной по той причине, что она — *тотальная*. И хотя каждый из нас чувствует, что его собственное существование стремится стать полем битвы, на котором неврозы, фобии, соматизации, депрессии и тревоги трубят отступление; никому не удаётся постичь ни хода битвы, ни целей войны. Парадоксальным образом именно тотальный характер этой войны (тотальный и в отношении средств, и в отношении целей) в первую очередь и позволил сделать её настолько невидимой.

Империя предпочитает открытому наступлению китайские методы, хроническую профилактику, молекулярную диффузию принуждения в повседневности. Самослежение полностью заменяет всеобщую слежку, а индивидуальный самоконтроль подменяет собой контроль со стороны общества. В итоге вездесущность новой полиции сделала её практически незаметной.

II

Целью этой войны являются стили жизни: с точки зрения Империи борьба ведётся за право отбирать, на-

значать и упрощать эти стили. Захват Спектаклем общественного выражения желаний, биополитическая монополия всех медицинских знаний и возможностей, подавление всякого несоответствия армией, состоящей преимущественно из психиатров, *тренеров* и других благожелательных «посредников», эстетико-полицейская *регистрация* биологических параметров каждого, непрерывная и всё более настойчивая и пристальная слежка за поведением, принятый по плебисциту запрет «насилия» — всё это соединено в антропологическом, или даже антропотехническом, проекте Империи. *Его задача — создание облика граждан.*

Очевидно, простая политика репрессий не может полностью препятствовать выражению людьми их стилей жизни (стили жизни в данном случае — не что-то, что должно сформировать извне бесформенную без этого материю, «голую жизнь», а наоборот, как некое внутреннее движение, которое определяет выбор варианта для определённого индивидуума в определённой ситуации). Здесь задействованы все имперские силы по отвлечению, запутыванию, поляризации индивидуума через отсутствие и невозможность. Выполнение цели не является безотлагательным, но требует максимальной надёжности. Со временем и благодаря такому комплексу действий всё закончится достижением требуемого разоружения индивидуума, особенно в области *иммунитета*.

Гражданские являются в меньшей степени проигравшими в этой войне, чем те, кто, отрицая её реальность, сразу же сдались: всё, что оставлено им в качестве «экзистенции», является не более чем попыткой *длиною в жизнь* сделать себя совместимым с Империей.

Но для *остальных*, для нас, каждое действие, каждое желание, каждое чувство в определённый момент сводится к необходимости ликвидации Империи и её граждан. Эта задача в нашем дыхании, в амплитуде наших страстей. На этом криминальном пути у нас нет недостатка во времени, ничто не заставляет нас вступать в прямую конфронтацию. Более того, она бы свидетельствовала о нашей слабости. Начатые атаки, однако, будут иметь меньшее значение, чем *позиция*, с которой они будут исходить, поскольку наши атаки подрывают силы Империи, в то время как наша позиция подрывает её стратегию. И чем более Империи будет казаться, что она накапливает победы, тем более глубоким и необратимым окажется её поражение. Имперская стратегия заключается, главным образом, в организации слепоты во всех формах жизни, неграмотности во всех этических различиях, делая фронт нераспознаваемым, а следовательно, и невидимым; а также в наиболее критических случаях, в маскировке *подлинной войны* всеми типами фальшивых конфликтов.

Возобновление наступления с нашей стороны требует нового очерчивания линии фронта. Фигура Девушки — это *зрительная конструкция*, созданная для этой цели. Одни воспользуются ею, чтобы констатировать массовость враждебных оккупационных сил в нашей жизни; другие, более яростные, — чтобы выявить скорость и направление движения этих сил. Каждый увидит в ней то, чего он заслуживает.

III

Обратите внимание: концепт Девушки, безусловно, не является гендерным концептом. Клубный тусовщик

соответствует ему не менее, чем загримированная под порнозвезду провинциалка. По отношению к бодрому работнику телекоммуникационного холдинга, вышедшему в отставку и проводящему время между Лазурным Берегом и своими парижскими офисами, где он ещё сохраняет опору, этот концепт не менее справедлив, чем по отношению к *незамужней* жительнице крупного города, слишком сильно занятой своей карьерой в сфере консалтинга, чтобы осознать, что она уже впустую потратила на неё пятнадцать лет жизни. И как этот концепт позволил бы обнаружить внешне незаметное сходство, связывающее модного, нахального и холёного пидорка из аристократических кварталов Парижа с американской мещанкой, живущей в пригороде со своей пластиковой семьёй, если бы этот концепт был гендерным?

В действительности Девушка — это лишь *модель гражданина*, созданная рыночным обществом после Первой мировой войны в ответ на угрозу революции. Таким образом, Девушка является *полюсной фигурой*, которая определяет будущее тем сильнее, чем больше она в нём преобладает.

В начале 1920-х годов капитализм установил, что он не сможет поддерживать себя как эксплуатацию человеческого труда, если не колонизирует также всё, что находится вне строгих рамок сферы производства. Перед лицом вызова социализма он также ощутил необходимость социализироваться. Потому он создаёт свою культуру, своё времяпровождение, свою медицину, свой урбанизм, своё чувственное воспитание и свою собственную нравственность, так же, как и тенденцию к их непрерывному обновлению. Это

был фордистский компромисс, welfare state, планирование семьи: социал-демократический капитализм. Подчинение работой — ограниченное, поскольку работник всё ещё отличался от своей работы, — заменяется в наши дни интегрированием путём субъективного и экзистенциального соответствия, то есть, по сути, путём потребления.

Господство Капитала из формального становится всё более и более *реальным*. Рыночное общество собирается искать лучших защитников этого господства среди маргинализованных элементов традиционного общества: в первую очередь женщин и молодёжи, а также среди гомосексуалистов и иммигрантов.

Тем, кто ещё недавно был в меньшинстве и по этой причине был наиболее инородным, инстинктивно наиболее *непривязанно* относящимся к рыночному обществу, не поддавшимся нормам господствующей интеграции, рыночное общество может дать видимость эмансипации. «Молодёжь и их матери соединяют предлагаемый рекламой образ жизни с социальными принципами этики потребителя», — указывает Стюарт Юэн. Молодёжь, поскольку юношеский возраст — это «период жизни, определяемый отношениями чистого потребления в гражданском обществе» (Стюарт Юэн, Сознание под влиянием)*; женщины, поскольку речь идёт о колонизации сферы *воспроизводства*, над которой они ещё господствуют. Молодёжь и Женщины, гипостазированные, абстрактные

* Перевод всех используемых в книге цитат (порой являющихся лишь приблизительными) даётся по французскому тексту (*здесь и далее примечания переводчика*).

и перекодированные в *Молодёжность* и *Женственность*, оказываются с той поры поднятыми в ранг идеальных регуляторов интеграции гражданина Империи. Фигура Девушки реализует наиболее тесное, непосредственное и в высшей степени желанное единство этих двух установок.

Холостячка предстаёт носителем современной характеры, более сенсационного, чем у всех этих звёзд и звёздочек, которые так быстро заполняют глобализированное воображение. Альбертина, встреченная на курорте, исчерпывает своей непринуждённой и пансексуальной жизненной силой весь ветхий мир «поисков утраченного времени». Студентка устанавливает свой закон в Фердидурке*. Рождена новая фигура власти, которая *деклассирует их всех*.

IV

Сейчас человечество, переформатированное Спектаклем и биополитически нейтрализованное, полагает, что, провозглашая себя состоящим из «граждан», бросает кому-то вызов. Женские журналы исправляют ошибку практически столетней давности, выпуская специальные версии для мужской аудитории. Все прошлые облики патриархальной власти, от политика до босса и даже мента, оказываются девушкизированы, и даже главный из них — папа римский.

Множество знаков указывает на то, что новый облик Капитала, лишь намеченный в межвоенный пе-

* Холостячка — героиня одноимённого романа В. Маргерита (1922); Альбертина — героиня цикла романов М. Пруста «В поисках утраченного времени» (1913–1927); Фердидурка — героиня одноимённой повести В. Гомбровича (1937).

риод, достиг своего совершенства в наши дни. «Когда обобщают его вымышленного персонажа, антропоморфизм Капитала становится свершившимся фактом. После этого воплощается мистическое заклинание, благодаря которому централизованный кредит, который управляет всяким обменом (от банкноты до векселя, от трудового или брачного контракта до “человеческих” и дружеских отношений, от занятий, дипломов и сопутствующих им карьер до обещаний любой идеологии: всякий обмен сейчас является обменом запоздалыми видимостями) впихивает в образ своей единообразной пустоты “сердце тьмы” всех “личностей” и всех “характеров”. Вот что растит людей Капитала здесь, где, как кажется, исчезли все родовые различия, всякая классовая и этническая принадлежность. Этот факт не перестаёт удивлять такое количество наивных людей с глазами, обращёнными в прошлое, которые всё ещё “думают” об этом» (Джорджо Чезарано, Хроника бала-маскарада). Девушка — кульминационная точка *антропоморфизации Капитала*. В имперской фазе процесс повышения стоимости более не является исключительно капиталистическим, ОН СОВПАДАЕТ С ОБЩЕСТВЕННЫМ. Интеграция в этот процесс, который теперь неотделим от интеграции в имперское «общество» и который не базируется более ни на каком «объективном» основании, требует от каждого *непрестанного самооценивания*.

Империя — этап окончательной социализации общества, на котором каждый призван относиться к себе *как к стоимости*, то есть при общем посредничестве серии контролируемых абстракций. Таким образом, Девушка и станет этим существом, которое будет на-

ходиться в связи с собой лишь *как со стоимостью*, и потому всякая её деятельность во всех мелочах будет заканчиваться её самооцениванием. В каждый момент она утверждает себя как *независимый субъект* своего собственного овеществления. Весь неоспоримый характер её могущества, вся подавляющая уверенность этой модели существа, созданной исключительно из правил поведения, условностей и скоротечно меняющихся представлений, вся власть, которая заключена даже в наименее значимых её действиях, — всё это непосредственно индексируется в соответствии с её *абсолютной прозрачностью* для «общества».

И именно по причине её ничтожества каждое из её суждений несёт повелительную тяжесть всей социальной организации, *и она это знает*.

V

Совершенно неслучайно теория Девушки возникает в момент завершения генезиса имперского порядка, когда порядок начинает восприниматься в таком качестве. Всё существующее движется к своему концу. И в своё время партию Девушек тоже постигнет раскол.

По мере того как форматирование под Девушку становится общепринятым, соперничество принимает всё более жёсткий характер, и удовлетворение от соответствия этому формату сокращается. Требуется качественный скачок; следует срочно облачиться в новые и неожиданные атрибуты; необходимо отправиться в какое-нибудь всё ещё девственное место. Голливудское отчаяние, политическая сознательность выпуска теленовостей, волна необуддистской духов-

ности или занятость в любом другом совместном предприятии по очистке сознания отлично справятся с делом. Вот так вот, деталь за деталью, прорисовывается *био-Девушка*. Борьба Девушек за выживание с этого момента отождествляется с необходимостью преодоления индустриальной Девушки, с необходимостью перехода к био-Девушке. В отличие от своей предшественницы био-Девушка выражает не стремление к какой-либо эмансипации, а лишь *одержимость сохранением стабильности*. Сами основы Империи подорваны, и она вынуждена защищаться от энтропии. Достигнувшая полноты собственной гегемонии, она может лишь рушиться. Таким образом, Девушка будет ответственной, «солидарной», экологичной, по-матерински заботливой, благоразумной, «естественной», почтительной, более сдержанной, нежели притворно раскованной; короче, чертовски биополитической. Она больше не подражает сверх меры, наоборот, она выверена во всём.

Как можно видеть, в момент, когда очевидность Девушки превращается в клише, Девушка уже преодолена, по крайней мере, в своём первоначальном, грубо софистическом аспекте массового производства. Мы собираемся подняться на этот критический уровень перехода.

VI

За исключением некорректного названия (эта некорректность может быть намеренной) следующее далее нагромождение фрагментов не образует теорию. Эти материалы собраны наугад из встреч, общения и наблюдения за Девушками; жемчужин, извлечённых из

их прессы; выражений, беспорядочно собранных при зачастую сомнительных обстоятельствах. Здесь они сгруппированы под приблизительными названиями, так же, как они были опубликованы в первом номере журнала «Тиккун»; их следовало привести в некоторый порядок. Выбор такой формы их изложения, с фрагментарностью, с их случайным происхождением, со всем заурядным избытком элементов, которые, будучи отполированы, отшлифованы и перекроены, могли бы сформировать полностью презентабельную доктрину, это выбор, на этот раз, *низкопробной теории*. Основная уловка теоретиков заключается преимущественно в презентации результата их разработок в таком виде, что *процесс самой разработки как таковой более не обнаруживается*. Мы готовы биться об заклад, с учётом блумической фрагментации внимания, что эта уловка больше не срабатывает. Поэтому мы выбрали другую. Умы, стремящиеся к моральному комфорту или к пороку, который можно было бы обличить, обнаружат в этом хаотическом тексте лишь дороги, которые не приведут их никуда. Речь идёт, главным образом, не о том, чтобы изменить Девушек, а о том, чтобы очертить все углы фрактализированного фронта девушкизации. И дать оружие для боя лицом к лицу, где отвечают ударом на удар — там, где ты находишься.

I. Девушка как феномен

Девушка стара в той мере, в которой она известна в качестве молодой. Таким образом, единственной её задачей является наслаждаться этой отсрочкой, то есть совершать некоторые разумные вольности и участвовать в некоторых авантюрах, предусмотренных для её возраста, и делать всё это, памятуя о том моменте, когда ей придётся остепениться в заключительном небытии взрослой жизни. Итак, социальный закон в себе самом содержит испоганенное время молодости и его собственные нарушения, являющиеся по сути своей лишь исключениями.

Девушка без ума от аутентичного, поскольку *она является ложью*.

Что парадоксально в Девушке в мужском теле, так это то, что она является результатом чего-то вроде «отчуждения путём заражения». Хотя Девушка в женском теле предстаёт в качестве воплощения конкретной мужской отчуждённой фантазии, в отчуждении этого воплощения нет ничего фантазийного. Совершенно очевидно, что она ускользнула от тех, в чьём воображении существовала, чтобы встать над ними и повелевать ими. По мере того как Девушка раскрепощается, развивается и множится повсюду, мечта превращается в наиболее распространённый кошмар — бывший раб, возвращающийся в своём преж-

нем качестве, чтобы тиранить своего бывшего хозяина. Всё это завершается ироничным эпилогом, где «мужской пол» является жертвой и объектом своего собственного отчуждённого желания.

«Я мечтаю о том, что люди будут красивыми».

Девушка — это образ абсолютного и высочайшего потребителя, и она ведёт себя соответствующе во всех сферах существования.

Девушка так хорошо знает *цену вещей*.

Часто, прежде чем разложение станет слишком заметным, Девушка выходит замуж. Девушка хороша именно в потреблении, досуга или работы — не имеет значения.

Личная жизнь Девушки, оказавшись уравненной со всякой личной жизнью, также стала чем-то анонимным, посторонним и объектным.

Девушка никогда ничего не создаёт — она воссоздаёт себя во всём.

Инвестируя в молодёжь и женщин абсурдную символическую прибавочную стоимость, делая из них эксклюзивных носителей двух новых эзотерических знаний новой социальной организации: потребления и соблазнения — так Спектакль освободил рабов прошлого, но освободил, ОСТАВИВ РАБАМИ.

Самые крайние банальности Девушки призваны лишь подчеркнуть её «оригинальность».

Убогий характер языка Девушки, если он сопровождается несомненным сужением сферы опыта, не составит никаких проблем на практике, поскольку он создан не для того, чтобы на нём разговаривали, но чтобы на нём хвалили и повторяли.

Молва, любопытство, двусмысленность, сплетни — Девушка воплощает полноту ложного существования, категории которого выявил Хайдеггер.

Девушка — это ложь, апогеем которой является её лицо.

Когда Спектакль всюду трезвонит о том, что женщина — это человек будущего, естественно, он имеет в виду Девушку, и будущее, которое он предсказывает, напоминает собой жалкое кибернетическое рабство.

«Несомненно!»

Девушке удаётся жить, имея в качестве всей своей философии дюжину невнятных концептов, которые непосредственно являются моральными категориями, то есть весь её словарный запас в итоге сокращается до пары «плохо / хорошо». Подразумевается, что для того чтобы сделать мир соответствующим её взглядам, его необходимо значительно упростить; и чтобы позволить ей жить в нём счастливо, требуется много мучеников, включая её саму.

«Слишком заметные физические недостатки, даже если они никоим образом не влияют на способности к труду, ослабляют людей социально и превращают их в вынужденных инвалидов труда» (Доктор Жюль Мозес, бюллетень “Afa-Bundeszeitung”, февраль 1929).

Для Девушки наиболее нежное является одновременно и наиболее болезненным, наиболее «естественное» — наиболее наигранным, наиболее «человеческое» — наиболее механистическим.

Подростковый возраст — это категория, созданная совсем недавно в соответствии с потребностями массового потребления.

Девушка неизменно называет «счастьем» всё, что её порабощает.

Девушка никогда не бывает просто несчастной, она также несчастна от того, что она несчастна.

В конечном счёте, идеалом Девушки является *домашнее хозяйство*.

Блум — это кризис классических гендерных ролей, и Девушка является наступлением, предпринятым товарным господством в ответ.

В Девушке нет целомудренности, впрочем, развращённости в ней тоже нет. Девушка просто живёт в отстранении среди собственных желаний, связностью которых управляет рыночное Супер-Эго. Скука абстракции перетекает в эту ебатню.

Не существует ничего, что Девушка не смогла бы поместить в свой кругозор, ограниченный её убогой повседневностью: поэзия как этнография, марксизм как метафизика.

«Альбертина происходит из ниоткуда и крайне современна в этом: она парит, приходит и уходит, черпает из своего отсутствия привязанностей непостоянство, непредсказуемый характер, который даёт ей свою силу свободы» (Жак Дюбуа, К Альбертине: Пруст и значение социального).

Когда Спектакль обращается непосредственно к Девушке, он не гнушается некоторой *бафмологией**. Так всё значение выступлений на эстраде *бой-бендов* или *гёрл-бендов* заключается исключительно в том, что

* Неологизм Р. Барта, введённый в работе «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975), обозначающий изобретённую автором «науку об иерархии речевых уровней», посвящённую изучению семантики и коннотации слов.

они выступают на эстраде. Ложь заключается в том, чтобы посредством столь топорной иронии представить как ложь то, что является *истиной Девушки*.

У Девушки внезапно начинается головокружение, когда мир перестаёт вращаться вокруг неё.

Девушка видит себя носительницей *священной* силы: силы товара.

«Я восхищаюсь детьми: они красивы, честны, им хорошо».

Мать и шлюха, в том смысле, который вкладывал в эти понятия Вейнингер, в равной степени представлены в Девушке. Но первая роль не делает её более достойной похвалы, чем вторая делает её достойной порицания. С течением времени можно даже заметить забавную обратимость этих ролей.

Девушка увлекательна подобно всем вещам, выражающим замкнутость на самих себе, механическую самодостаточность и безразличие к наблюдателю; так же, как насекомое, младенец, автоматический механизм или маятник Фуко.

Почему Девушка всегда вынуждена изображать какую-то активность? Чтобы непоколебимо пребывать в своей пассивности.

«Свобода» Девушки редко простирается за границы подчёркнутого поклонения самым ничтожным продуктам Спектакля; она заключается, по сути, в итальянской забастовке* против крайностей отчуждения.

«*Будущее Девушки*»: название группировки девушек-«коммунисток», организованной в южном приго-

* Итальянская забастовка — забастовка, заключающаяся в строгом выполнении должностных инструкций в ущерб производительности.

роде Парижа в 1936 году для «развлечения, образования и защиты своих интересов».

Девушка хочет быть желанной без любви или любимой без желания. В любом случае её несчастьем ничто не угрожает.

У девушки есть любовные ИСТОРИИ.

Стоит лишь вспомнить, что она подразумевает под словом «приключения», чтобы получить достаточно чёткое представление о том, насколько Девушка может бояться возможного.

В старости Девушка не становится менее омерзительной, чем в молодости. От одной точки к другой её жизнь является лишь постепенным погружением в бесформенность, и никогда — вторжением становления. Девушка погрязла во мраке времён.

С точки зрения образа Девушки возрастные и гендерные различия не являются значимыми. Не существует возраста, в котором нельзя быть *поражённым молодостью*, не существует пола, который запрещал бы нотку женственности.

Подобно тем журналам, которые общество предназначает Девушке и которые она столь мучительно пожирает, жизнь Девушки является разделённой и упорядоченной по множеству рубрик, между которыми царит самое большое разделение.

Девушка — это та, кто, будучи лишь Девушкой, строго подчиняется авторитарному распределению ролей.

Любовь Девушки — не что иное, как аутизм двоих.

То, что люди ещё называют мужественностью, является не более чем ребячеством мужчин и женственностью женщин. Впрочем, возможно, следовало бы

говорить о маскулинизации и «феминизации», когда к приобретению идентичности примешивается столько волюнтаризма.

То же циничное упорство, характеризовавшее традиционную женщину под домашним арестом и с обязанностями обеспечения выживания, расцветает в наши дни в Девушке, но на этот раз освобождённое от сферы домашнего хозяйства, как и от всякой гендерной монополии. Отныне Девушка выражает его везде: в безупречной эмоциональной непроницаемости на работе, в предельной рационализации, которую она налагает на свою «личную жизнь», в её шаге, столь инстинктивно строевом, в том, как она целуется, ведёт себя или стучит по клавишам на компьютере. И даже в том, как она моет свою машину.

«Информация, почерпнутая мной из популярного берлинского журнала, была особенно познавательной: “Когда мы набираем торговый или административный персонал, — говорит начальник отдела кадров, — мы придаём особое значение приятной внешности”. Со стороны он напоминает актёра Рейнольда Шунцеля из старых фильмов. Я спрашиваю его, что он подразумевает под этим, говорит ли он о сексуальной внешности или просто очень милой. “Милой — это не совсем точно, — отвечает он, — в первую очередь, как Вы понимаете, учитывается высоконравственный розовый румянец на лице...”

В самом деле, я понимаю. Высоконравственный розовый румянец на лице — это скопище понятий миглом проливает свет на повседневный облик украшенных витрин, наёмных рабочих и иллюстрированных журналов. Их высокая мораль должна быть с оттенком

розового, а их розовый румянец является отпечатком их моральности. Вот то, чего желают ответственные за селекцию. Они хотят покрыть существование лаком, который скрыл бы любую реальность, кроме розовой. И тем хуже для вас, если ваша высокая мораль скрыта внутри вас или ваш румянец недостаточно морален, чтобы предотвратить выплеск желаний. Тёмные глубины морали без розовых щёчек будут такой же угрозой установленному порядку, как и роза, расцветающая безо всякой морали. Они настолько тесно связаны, что нейтрализуют друг друга. Система, устанавливающая отборочные тесты, в равной степени производит и эту милую и приятную смесь, и чем дальше прогрессирует рационализация, тем большую силу набирает этот розово-духовный макияж. Мы вряд ли преувеличим, сказав, что в Берлине формируется тип служащих, единообразно стремящихся к желаемой цветовой гамме. Язык, одежда, манеры и поведение приводятся к единообразию, и результатом этого является эта приятная фотогеничная внешность. Это — селекция, производимая под давлением социальных отношений и подкрепляемая экономикой, пробуждающей соответственные потребности у потребителей.

Служащие принимают в этом участие, вольно или невольно. Использование косметики не всегда продиктовано исключительно роскошью, наплыв клиентов в бесчисленные салоны красоты отвечает также на экзистенциальные вопросы. В страхе выглядеть постаревшими, женщины и мужчины красят волосы и в сорок лет занимаются спортом, чтобы сохранить фигуру. “Как стать ещё красивее?” — заголовок журнала, недавно появившегося на прилавках, хваста-

ющегося в своей рекламе, что в нём рассказано, как “выглядеть молодо и привлекательно сейчас и в будущем”. Мода и экономика работают рука об руку. Лишь немногие могут обратиться к пластической хирургии. Большинство попадают в лапы шарлатанов и вынуждены довольствоваться препаратами столь же дешёвыми, сколь и неэффективными. Именно в их интересах доктор Мозес, ранее упомянутый депутат, некоторое время сражался в парламенте за включение в медицинскую страховку необходимого ухода за физическими дефектами. Недавно созданная Ассоциация врачей-косметологов Германии присоединилась к этой хорошей законодательской инициативе» (Зигфрид Кракауэр, Служащие, 1930).

Для Девушки утрата метафизического значения не отличается от «утраты чувственного» (Гелен), что наглядно подтверждает крайнюю *современность* её отчуждения.

Девушка движется в забвении Бытия не меньше, чем в забвении событий.

Вся непрекращающаяся агитация Девушки в каждом из проявлений этого общества управляется потаённой задачей сделать эффективной ложную и смехотворную метафизику, наиболее поверхностной сущностью которой является отрицание течения времени, так же, как и сокрытие конечности человеческой жизни.

Девушка похожа на свою фотографию.

Поскольку её сущность полностью исчерпывается её внешностью, а её реальность — её изображением, Девушка является полностью выразимой, так же как и отлично предсказуемой и абсолютно нейтрализованной.

Девушка существует лишь в той мере, в которой общество желает её, и знает о себе лишь то, что общество говорит о ней.

Девушка возникает как продукт и как основной выход из великого кризиса избыточности современного капитализма. Она является свидетельством и опорой неограниченного стремления к процессу оценивания, когда процесс накопления как таковой достоверно достиг предела (экологической катастрофы или социального взрыва, ввиду тесноты планеты).

Девушке нравится закрывать вторичным лживо провоцирующим уровнем основной *экономический* уровень своих мотиваций.

Вся свобода передвижения, используемая Девушкой, никоим образом не мешает ей быть *пленницей* и в любых обстоятельствах демонстрировать автоматизм заключённого.

Стиль бытия Девушки — это не быть ничем.

Достигнуть «успеха сразу и в личной и в профессиональной жизни» — некоторые Девушки щеголяют этими амбициями так, как будто эти амбиции достойны уважения.

«Любовь» Девушки — это лишь слово из словаря.

Девушке недостаточно, чтобы вы её просто защищали, ей также надо воспитывать вас.

Бесконечное возвращение одной и той же моды убеждает в том, что Девушка не играет со своим внешним видом, это её внешний вид играет с ней.

Гораздо больше, чем Девушки женского рода, Девушки мужского рода выражают своей поддельной мускулатурой весь абсурдный (то есть *страдальческий*) характер того, что Фуко называл «дисциплиной»

тела»: «Дисциплина увеличивает силы тела (с точки зрения экономической полезности) и уменьшает те же силы (с точки зрения политического послушания). Короче говоря, она отделяет силы от тела: с одной стороны, превращает его в “способность”, “пригодность”, которые стремится увеличить, а с другой — меняет направление энергии, могущества, которое может быть её результатом, и превращает его в отношения неукоснительного подчинения» (Мишель Фуко, «Надзирать и наказывать»).

«О, девушка, вместилище позорных тайн, прикрытое красотой!» (Гомбрович, Фердидурка, 1937).

Не существует места, в котором можно почувствовать себя столь же болезненно одиноким, как в руках Девушки.

Когда Девушка предаётся собственной ничтожности, её слава только растёт; это то, что её «развлекает».

«Это именно то, что привлекало меня в ней, эта зрелость и эта самостоятельность молодости, этот полный уверенности стиль. В то время как у нас тогда, в школе, были прыщи и идеалы, неуклюжие движения и неловкость на каждом шагу; её *внешность* была совершенной. Молодость в её случае не была переходным возрастом: для современников молодость представляла единственный подлинный период человеческого существования... Её молодости не требовались никакие идеалы, поскольку она сама по себе была идеальна» (Гомбрович, Фердидурка).

Девушка никогда ничему не учится. Она здесь не для этого.

Девушка слишком хорошо знает, чего она хочет в *деталях*, чтобы хотеть чего-то в целом.

«Руки прочь от моей сумки!»

Триумф Девушки является следствием поражения феминизма.

Девушка не говорит, наоборот, она *диктуется* Спектаклем.

Девушка носит маску своего лица.

Девушка низводит любое величие до уровня своей задницы.

Девушка — это фильтр негативности, промышленный профилировщик односторонности. Во всякой вещи она отделяет негатив от позитива и обычно сохраняет в памяти одно из двух. Потому она не верит словам, поскольку, исходя из её рта, они действительно лишены всякого смысла. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, что она подразумевает под словом «романтический», и как мало это имеет общего с Гёльдерлином.

«Потому следует представить рождение “девушки” как создание объекта, в котором участвуют разные дисциплины (от медицины до психологии, от физкультуры до морали, от психологии до гигиены)» (Жан-Клод Карон, Тело девушки).

Девушке хочется, чтобы простое слово «любовь» не несло в себе проект по уничтожению этого общества.

«О, СЕРДЦЕ!»

«Не следует смешивать работу и чувства!»

В жизни Девушки деактивированные и низвергнутые в небытие противоположности дополняют друг друга, но совершенно не противоречат друг другу.

Сентиментальность и материализм Девушки являются лишь двумя взаимосвязанными аспектами её единого небытия, сколь бы противоположными они не казались.

Девушке нравится говорить о своём детстве эмоционально, чтобы внушить, что она ещё не вышла из него, и что в душе своей она осталась наивной. Как и все шлюхи, она мечтает о *невинности*. Но в отличие от всех них она требует, чтобы ей верили и чтобы ей верили искренне. Её инфантилизм, который, в конечном счёте, является лишь *фундаментализмом детства*, сделал из неё самого хитрого распространителя общей инфантилизации.

Самые низменные чувства всё ещё имеют в глазах Девушки престиж их искренности.

Девушка любит свои иллюзии так же, как она любит своё овеществление: провозглашая их.

Всё представляется Девушке лишённым последствий, даже её страдания. Всё весело, ничего важного. Всё *клёво*, ничего замороченного.

Девушка хочет признания не за то, чем она могла бы быть, а просто за факт своего существования. Она хочет *безоговорочного* признания.

Девушка здесь не для того, чтобы её критиковали.

Когда Девушка достигает предела возраста инфантильности, когда становится невозможным задать себе вопрос о конце жизни, не боясь обнаружить тотчас свою ограниченность в средствах (что в этом обществе может произойти достаточно нескоро), она себя воспроизводит. Отцовство и материнство, среди прочих, являются способами, не менее очищенными от содержания, чем остальные, оставаться ПОД ВЛАСТЬЮ ПОТРЕБНОСТЕЙ.

Девушка не целует вас, она пускает слюну между ваших зубов. Материализм секретий.

Девушка предпочитает любим иным точку зрения психологии на себя саму и на всё движение мира. Таким образом, она может демонстрировать определённую сознательность в своём овеществлении — сознательность, овеществлённую саму по себе, поскольку эта сознательность отделена от всякого действия.

Девушка знает стандартные извращения.

«КЛЁВО!»

У Девушки есть чувство *баланса*, которое сближает её, однако, не с танцовщицей, а с бухгалтершей.

Улыбка никогда не служила в качестве аргумента. Черепа тоже могут улыбаться.

Чувственность Девушки состоит из знаков и иногда — даже из простых *сигналов*.

Везде, где *этнос* ослабевает или разлагается, Девушка предстаёт в качестве носителя мимолётных и бесцветных нравов Спектакля.

Предполагается, что Девушка не понимает вас.

Пристрастие Девушки к актёрам или актрисам объясняется согласно основным законам магнетизма: так же, как они являются *позитивным* отсутствием всяких качеств, ничем, принимающим любую форму, она является *негативным* отсутствием качества. Кроме того, актёр является тем же, чем и Девушка, её отражением; он же является и её отрицанием.

Любовь представляется Девушке *отдельным* видом деятельности.

Смех Девушки несёт в себе всё уныние ночных клубов.

Девушка — это единственное насекомое, согласное на *энтомологию женских журналов*.

Подобно беде Девушка никогда не приходит одна.

Везде, где господствуют Девушки, их вкусы также должны господствовать — именно это и определяет вкусы нашего времени.

Девушка — это наиболее чистая форма овеществлённых отношений, она является их истиной. Девушка — это антропологический сгусток овеществления.

Спектакль щедро вознаграждает, хоть и косвенным образом, конформизм Девушки.

В любви более чем где бы то ни было Девушка ведёт себя как бухгалтер, постоянно полагая, что она любит сильнее, чем любят её, и что она даёт больше, чем получает.

Между Девушками существует невдохновляющая общность действий и выражений.

Девушка является онтологически девственной, девственной в плане *всякого опыта*.

Девушка может изобразить заботу, когда кто-то действительно несчастен; это один из видов её враждебности.

Девушка не замечает течения времени, в лучшем случае она волнуется о его «последствиях». Иначе как бы она могла говорить о приближении старости с таким негодованием, как будто речь идёт о совершённом против неё преступлении?

Даже тогда, когда она не стремится соблазнить, Девушка действует как соблазнительница.

Есть что-то *профессиональное* во всём, что делает Девушка.

Девушка не перестаёт хвастаться тем, что у неё есть «практический смысл».

В Девушке даже самый заурядный морализм принимает блядский вид.

Девушка несёт на себе всю тяжесть экономики. Но несмотря на это она не игнорирует ничего, кроме возможностей от неё избавиться.

Девушка — это реальность абстрактных кодов Спектакля.

Девушка занимает центральный узел современной системы желаний.

Всякий опыт девушки тотчас сливается с предварительным представлением, которое она о нём имела. Любые отступления от конкретных схем, всякая оживлённая часть течения времени и вещей известны ей как несовершенства, ухудшения абстрактной модели.

Девушка — это *улыбающаяся* злоба.

В мире есть существа, рождающие желание медленно умереть у них на глазах, но Девушка возбуждает лишь стремление завоевать её и наслаждаться ею.

Девушка совокупляется не для того, чтобы выразить свои чувства к другому, а чтобы избежать своего невыносимого небытия.

Так называемая эмансипация женщин заключалась не в освобождении их от сферы домашнего хозяйства, а скорее, в расширении этой сферы на всё общество в целом.

Перед любым человеком, который пытается заставить её думать, Девушка никогда не замедлит похвататься своей практичностью.

В той же мере, в которой она скрывает не свой секрет, но своё *бесчестье*, Девушка ненавидит неожиданности, особенно когда они не запланированы.

«Влюблённость — лучшее лекарство против стресса».

Девушка не перестаёт повторять: она хочет быть любимой такой, *как она есть*, то есть как небытие, которым она является.

Девушка — это живая и непрерывная интроспекция всех возможных подавлений.

«Я» Девушки такое же толстое, как журнал.

Ничто в поведении Девушки не имеет своих собственных причин, всё подчиняется господствующему определению счастья. Присущая Девушке чуждость себе самой граничит с мифоманией.

В конечном счёте Девушка фетишизирует «любовь», чтобы не подниматься до осознания полностью стандартизированной природы собственных желаний.

«Мне до пизды свобода, пока я счастлива!»

«ХИМИЯ СТРАСТИ: в наши дни всё объяснимо, даже влюблённость. Давай, до свидания, романтика! Этот “феномен” — не что иное, как серия химических реакций».

Будучи отторгнутыми друг от друга, любовь и задница Девушки становятся двумя пустыми абстракциями.

«Пример киногероев витает подобно призраку, когда подростки обнимаются или когда взрослые прелюбодействуют» (Хоркхаймер / Адорно, Диалектика просвещения).

Девушка купается в дежавю. Для неё первый раз прожитое — это всегда как минимум второй раз представленное.

В действительности не было никакого «освобождения секса» (каков оксюморон!), а было лишь устранение всего, что являлось преградой тотальной моби-

лизации желания на службу товарному *производству*. «Тирания удовольствия» провозглашает не удовольствие, а тиранию.

Девушка умеет делиться чувствами.

В мире Девушек половой акт предстаёт логичной санкцией за всякий опыт.

Девушка «довольна жизнью», по крайней мере, она так говорит.

Девушка устанавливает отношения лишь на основе строгого овеществления и дурной субстанциональности, благодаря чему общество уверено, что то, что объединяет людей, лишь разделяет их.

Девушка оптимистична, радостна, позитивно настроена, довольна, полна энтузиазма, счастлива; другими словами, *она страдает*.

Девушка производится там, где нигилизм начинает говорить о счастье.

В Девушке нет ничего необычного, в этом заключается её «красота».

Девушка — это оптическая иллюзия. Издали она ангел, а вблизи — она демон.

Девушка не стареет, она портится.

Достаточно хорошо известно, что Девушка думает о *беспокойстве*.

Воспитание Девушки идёт в обратном направлении по отношению ко всем иным формам воспитания: немедленное совершенство, изначально присущее молодёжи, а дальше — усилия, чтобы поддерживать себя на вершине этой изначально ничтожности, и, наконец, крах перед лицом невозможности повернуть время назад.

При виде издалека небытие Девушки выглядит относительно пригодным для обитания и иногда даже комфортабельным.

«Любовь, Работа, Здоровье».

«Красота» Девушки — это никогда не красота её самой, не её неповторимая красота. Наоборот, это красота без содержания, абсолютная и освобождённая от всякой индивидуальности красота. «Красота» Девушки — это лишь форма небытия, закреплённая за Девушкой форма проявления. И потому она не может говорить без придыхания о «красоте», поскольку её собственная никогда не является выражением существенного своеобразия, но чистой и призрачной объективностью.

«Основная идеологическая путаница между женщиной и сексуальностью... только сегодня приобретает всю свою полноту, поскольку женщина, некогда порабощённая как секс, сегодня “ОСВОБОЖДЕНА” как секс... Женщины, молодёжь, тело, высвобождение которых после тысячелетий рабства и забвения составляет поистине самую революционную возможность и, следовательно, самую главную опасность для всякого установленного порядка, интегрированы в общество и рекуперированы как “миф эмансипации”. Женщинам дают потреблять Женщину, молодёжи — Молодёжь и благодаря этой формальной и нарциссической эмансипации успешно предотвращают их реальное освобождение» (Жан-Триссотен* Бодрийяр, Общество потребления).

* Триссотен — имя героя пьесы Мольера «Учёные женщины».

Девушка предлагает недвусмысленную модель личного *этоса*: холодное сознание, живущее в изгнании в пластиковом теле.

«Слишком круто!!!» Вместо того чтобы говорить «очень», Девушка говорит «слишком», и в действительности она столь незначительна.

II. Девушка как техника себя

«Что такое удовольствие?»

В жизни Девушки нет ничего, даже в самых дальних уголках её личной жизни, что избежало бы отчуждённой рефлексивности, кодификации и взора Спектакля. Эта личная жизнь, усеянная товарами, вся целиком отдана во власть рекламе и полностью социализирована, но социализирована *в качестве личной жизни*, то есть она со всех сторон подчинена искусственным общим стандартам, которые не позволяют ей выразить себя. *Для Девушки наиболее сокровенное является также наиболее публичным.*

Девушка загорожена своим телом, оно является и её миром, и её тюрьмой.

Физиология Девушки — это агрессивное прикрытие её дурной субстанциональности.

Девушка хочет Девушку. Девушка — это идеал Девушки.

«Устала от мачо? А не попробовать ли маменькиного сынка...»

Риторика войны полов и, на данный момент, риторика реванша женщин действует как крайняя хитрость, благодаря которой мужская логика подчинила себе женщин таким образом, что они этого даже не заметили: заключив их в себе путём простого обмена

ролями в альтернативе подчинения / доминирования, с исключением всего остального.

«Чего требует умерщвление тела? Чтобы мы растили в наших телах святую и непримиримую ненависть» (Духовные наставления Дочерей милосердия, 1884).

Девушка стремится выразить автореферентную замкнутость на себе самой и систематическое игнорирование *недостатков*. Именно поэтому она лишена каких-либо недостатков, равно так же, как она лишена каких-либо достоинств.

В достаточно недавнем прошлом, когда женские журналы печатались только для женщин, недолгое время ходил слух, что такие журналы оказывают депрессивный эффект на их читательниц. Там и тут из уст в уста переходила эта наименее важная сплетня эпохи об «американском научном исследовании», установившем, что женщина, закрывающая один из этих журналов, является более грустной, чем она была в тот момент, когда его открывала, по крайней мере, её мозг производит существенно меньше серотонина. И это действительно так, достаточно увидеть Девушку за подобным занятием: вокруг неё собирается напряжённая атмосфера, тревожная серьёзность и видимая поспешность в переворачивании страниц, как если бы она перебирала чётки в молитвах зловещей религии. Кажется, акт раскаяния выжил и продолжил существование в биополитической религии Империи, лишь стал более *имманентным*.

«Со своими волосами я могу делать всё, что хочу!»

Девушка методически реинвестирует всё, от чего она была освобождена, в чистое рабство (было бы неплохо, например, задаться вопросом о том, что со-

временная женщина, достаточно неприятный подвид Девушки, сделала со «свободой», завоёванной для неё в битвах феминизма?).

Девушка — это символ своей собственной *программы*, в которой всё должно быть в строго установленном порядке.

«В двенадцать лет я решила быть красивой».

Тавтологическая сущность красоты Девушки держится на том, что она принимает во внимание не какую-либо несхожесть, а исключительно свой идеальный облик. Потому она столь яростно отвергает своего предполагаемого адресата, даже если он свободен в своей глупой вере, что она адресована ему. Девушка устанавливает пространство своей *власти* таким образом, что, в конечном счёте, не остаётся способа приблизиться к ней.

Девушка *обладает* сексуальностью в той мере, в которой всякая сексуальность является чуждой для неё.

«Соответственно, биологизация половых органов в частности и тела в целом устанавливает тело девушки в качестве идеальной лаборатории под наблюдением медиков» (Жан-Клод Карон, Тело девушки).

«Юность» и «женственность» Девушки, её юный и женственный облик как таковой являются тем, ради чего контроль внешности погружается в дисциплину тела.

Девушке достаточно её задницы, чтобы у неё установилось чувство неповторимого своеобразия.

Девушка настолько психолог, что ей удаётся сделать себя столь же *плоской*, как объект психологии.

Девушка — это та, всё существование которой основывается на сокращении метафизического факта

конечности жизни до простого *технического* вопроса: какой из кремов против морщин наиболее эффективен? Самое трогательное свойство Девушки — это, безо всякого сомнения, манакальные усилия достичь в своём внешнем виде окончательной нечувствительности ко времени и пространству, к своему окружению и к истории, быть всегда и везде *безупречной*.

Протестантская этика, низведённая до уровня основного принципа функционирования общества и общей нормы поведения, с концом «трудовой морали» обнаруживается (что становится все более заметным после Второй мировой войны) полностью реинвестированной на личностном уровне: с той поры она определяет среди широких масс отношения людей к своим телам, к своим чувствам, к своей жизни — как они на них экономят.

Разумеется, поскольку эротизм представляется Девушке во всей неоспоримой позитивности, неизбежно прикрепляемой к сексуальности, и поскольку безумства как таковые превратились в спокойную, изолируемую и закодированную норму, половой акт не является одной из тех вещей, которые позволяют вам продвинуться дальше некой внешней стороны в ваших отношениях с Девушкой, а наоборот, одной из тех, которые укрепляют вас в вашем положении извне.

«Новые сиськи на моё восемнадцатилетие».

Спектакль преподнёс Девушке достаточно горький подарок «молодости», поскольку эта «молодость» неизбежно утрачивается.

Живущему не требуется дополнительно провозглашать себя в этом качестве. То, что утасует, шумно отвергает любое доказательство близости своего конца.

Провозглашение крайних форм гендерных ролей в Девушке свидетельствует лишь об агонии классических гендерных ролей, то есть *их материальной базы*. Призраки Мужчины и Женщины бродят по улицам мегаполисов. Их мускулы из фитнес-клуба, их сиськи из силикона.

Витрина разделяет Девушку и мир. Ничто не касается Девушки и Девушка не касается ничего.

Ничто в личности Девушки не принадлежит ей самой — её «молодость» принадлежит ей даже меньше, чем её «женственность». Эти качества отнюдь не принадлежат ей, наоборот, это она принадлежит этим качествам, которые общество ей столь великодушно дало во временное пользование.

Девушка стремится к здоровью так, как если бы оно могло быть спасением.

Ощущение себя МЯСОМ, грудой органов, набитой зародышевыми клетками или дополненной яйцами, является основанием для стремления и для неудачи этого стремления Девушки — придать себе форму или хотя бы имитировать её. Это чувство является не только следствием искажения западной метафизики, которой хотелось бы, чтобы бесформенное предшествовало форме, привносимой ему *извне*; это чувство также является тем, что рыночное господство должно любой ценой укреплять — и оно упрочивает его постоянно, устанавливая соответствие всех тел, отвергая формы жизни, непрерывно осуществляя индифференцирующее вмешательство. Утрата контакта с самим собой, подавление всякой близости к себе, которые определяют ощущение себя МЯСОМ, являются *непременным* условием обновлённого принятия техник себя,

которые Империя предлагает потребителям. *Уровень внедрения всего этого товарного хлама определяется по интенсивности ощущения себя МЯСОМ.*

Утомительное обладание телом.

Терзающее Блума чувство противоречия между своим существованием в качестве социального существа и существованием в качестве единичного бытия совсем не свойственно Девушке, у которой больше нет ни единичного существования, ни чувств как таковых.

«Я и моя грудь, мой живот, моя задница и мои ноги: журнал моего тела».

Девушка — это тюремщица для себя самой, заточённая в тело, ставшая знаком языка, составленного из тел.

«О, этот культ, это послушание, это поклонение девушки перед образом студентки и образом современной! ...О, это рабство перед стилем, доходящее до самоуничтожения, о, покорность девушки!» (Гомбрович, Фердидурка).

«Глубоко укоренившийся женский инстинкт, предписывающий использование ароматов, является проявлением законов биологии. *Главная обязанность женщины — это быть привлекательной.* Уровень вашего интеллекта и самостоятельности не имеет значения; если вы не можете воздействовать, сознательно или нет, на людей, которых вы встречаете, вы не исполняете вашу основную обязанность как женщины...» (Реклама духов, 20-е годы, США).

Девушка воспринимает своё собственное существование как *управленческую* проблему, которая ждёт её решения.

Прежде чем установить отношение к другому, социальное отношение или форму символической интеграции, Девушка устанавливает отношение к себе, то есть *ко времени*.

Вопреки всякой видимости Девушка не заботится о себе самой. Строго говоря, она не является эгоистичной, ни даже эгоцентричной, и в первую очередь потому, что её «Я» — это в действительности некто другой. То, чему она с непреклонной преданностью посвящает всю свою заботу, это лишь внешняя реальность — её «тело».

Применение формы капитала ко всему — капитал здоровья, капитал солнца, капитал симпатий и т. д. — и, в частном случае, к телу, означает, что посредничество отчуждённой социальной тотальности установилось в отношениях, ещё недавно управлявшихся непосредственностью.

В Девушке противоречие между условностью и сущностью, по-видимому, устранено путём уничтожения значения каждого из этих слов, да так, что кажется, что ни одно из них никогда не совершало насилия над другим.

Девушка подобна капитализму, домашней прислуге и простейшим организмам: она умеет адаптироваться, и, более того, *ей это нравится*.

В отличие от того, что происходит в традиционных обществах, которые признают существование низменных влечений и выставляют их *в качестве таковых*, Девушка отрицает их существование и прячет их.

Внешний вид Девушки это и есть сама Девушка; между ними двумя нет ничего, что бы их разделяло.

Подобно всем рабам, Девушка чувствует над собой намного больше надзора, чем есть на самом деле.

Утрата себя самой для Девушки не противоречит никакой «заботе о себе», которую, как ей кажется, она оказывает.

Девушка никогда не кажется себе в достаточной мере пластиковой.

Девушке не нравятся морщины; морщины это неправильно; морщины это письмо жизни; жизнь это неправильно. Девушка боится морщин, как и всех остальных истинных ВЫРАЖЕНИЙ.

В самосознании Девушки лишь смутное чувство жизни.

Для Девушки голая жизнь также выполняет функцию платья.

Девушка изолированно живёт в своей собственной «красоте».

Девушка не любит никого, она любит себя самую любящую.

«Дзен, speed, био: 3 режима образа жизни».

Девушка никогда не доходит до требования того, чтобы мимолётные условности, которым она себя подчиняет, имели смысл.

Девушка понимает всякие отношения как устроенные по модели *контракта*, и точнее, контракта, который *может быть расторгнут* в любой момент по первому требованию договаривающихся сторон. Это — торг на основе дифференциальной стоимости каждого на рынке соблазна, где, в конце концов, кто-то должен собрать дивиденды.

«В норме ли ваше тело? Поддерживаете ли вы должным образом ваш юный каркас, украшенный грациоз-

ными округлостями? Прочна ли ваша конструкция? Нежна ли ваша кожа? Короче говоря, вы в порядке?»

Девушка *ежедневно* производит себя как таковую, маниакально воспроизводя доминирующий *этнос*.

«Как приобрести десять лет через здоровый образ жизни».

Транснациональная косметическая корпорация недавно запустила массированную рекламную компанию нового крема против морщин под названием *Ethique* («Этика»). Таким образом, это одновременно означало, что нет ничего столь же *этичного*, сколь обмазываться хуйнёй после пробуждения, чтобы соответствовать категорическому императиву молодости, и что не может быть никакого иного *этоса*, кроме этоса Девушки.

«Красота» — это способ разоблачения, подходящий для Девушки внутри Спектакля. Вот почему она также является *обезличенным продуктом*, несущим в себе все абстракции, заключённые в обязательстве соотносить себя с конкретным сегментом сексуального рынка, внутри которого все *похожи друг на друга*.

Капитализм действительно создал богатства, поскольку он *нашёл* их там, где их раньше не видели. Так, например, он сделал *богатством* красоту, здоровье и молодость, то есть качествами, которые вами обладают.

Девушка никогда не бывает удовлетворена своей покорностью рыночной метафизике, подчинением всего её существа и видимым образом всего её тела нормам Спектакля. Вот почему она испытывает потребность выставлять свою покорность напоказ.

«Они задели самое дорогое для меня: мой образ» (Сильвио Берлускони).

Девушка всегда живёт в паре — со своим образом.

Девушка подтверждает физиологические пределы рыночной семиократии.

«Насколько вы красивы? Нет, красота — это не субъективная оценка. В отличие от очарования, понятия слишком расплывчатого, красота измеряется в сантиметрах, делится на составляющие, взвешивается, изучается под микроскопом, оценивается по тысяче коварных деталей. Так что хватит прятаться за хиппарскими принципами “внутренняя красота — вот что важно”; “у меня свой стиль” и дерзните померяться с великими!!!»

Красота Девушки является *продуктом производства*. Девушка и сама не против повторять: «красота не падает с неба», то есть она является результатом работы.

Самоконтроль и самоограничение Девушки достигаются путём интроекции двух неоспоримых «необходимостей»: *репутации и здоровья*.

«В наши дни отсутствие страданий уже является не роскошью, но правом».

Официально Девушка предпочла стать вещью, которая чувствует, а не Блумом, который страдает.

Девушка стремится к пластическому совершенству во всех его формах, особенно — в её собственных.

От силовых тренировок до кремов против морщин и липосакции — одно и то же неистовство Девушки в стремлении абстрагироваться от своего тела и сделать своё тело абстракцией.

«Сделать всё, что возможно, чтобы примириться со своим образом».

Насколько бы не распространялся её нарциссизм, Девушка не любит себя — она любит «свой» образ, то есть нечто, что не только является чуждым и посторонним для неё, но и что в полном смысле слова *обладает* ею. Девушка живёт под тиранией своего неблагодарного хозяина.

В конечном счёте Девушка облачается в своё отсутствие тайны.

Девушка — это прежде всего точка зрения на течение времени, но это воплощённая точка зрения.

III. Девушка как социальное отношение

Девушка — это простейшее социальное отношение, центральная форма желания желать внутри Спектакля.

И тем временем любовь была низвергнута до уровня самой заразной из ролевых игр Спектакля.

Девушка никогда не даёт себя саму, она не даёт ничего, кроме того, *что у неё есть*, то есть набора данных ей качеств. Поэтому Девушку невозможно любить, а можно лишь потреблять.

«Понимаешь, мне бы не хотелось к кому-то привязываться всерьёз».

Соблазнение — вид социальной работы, который осуществляет Девушка.

Импотенция и фригидность Девушки непосредственно проявляются в том, что её собственная эротическая сила отделилась от неё и стала автономной настолько, что теперь может господствовать над ней.

Когда девушка хихикает, она всё ещё трудится.

Овеществление Девушки настолько соответствует миру авторитарных товаров, что его следует признать её основной профессиональной обязанностью.

Сексуальность является настолько же важной для Девушки, насколько каждый её половой акт является ничтожным.

Они остаются реалистами даже в любви.

Девушке недостаточно верить, что сексуальность существует, она клянётся, что она её нашла. Новые боги, новые суеверия.

«Что такое качественный секс?»

Никогда не забывай, что любящая тебя Девушка также *выбрала* тебя.

«Разочарование в любви позволяет сбросить три килограмма».

Для Девушки обольщение никогда не заканчивается, потому что с обольщением заканчивается и сама Девушка.

Все отношения с Девушкой заключаются в том, чтобы быть выбранным заново в каждый момент. Тут, как и на работе, те же самые контрактные обязательства.

Девушка не любит никого кроме обезличенных человеческих действий. Ей удаётся обнаружить Спектакль повсюду, и где бы она его не нашла, она им восхищается.

Поскольку в Спектакле даже «плотская связь» может своевременно увеличивать разделение.

«ВЕРЬ В КРАСОТУ».

«Диктатура красоты» одновременно является и диктатурой уродства. Речь идёт не о жестокой гегемонии определённой парадигмы красоты, а о чём-то более радикальном, о гегемонии *физического симулякра* как формы объективности существ. Поняв это, становится очевидным, что ничто не мешает подобной диктатуре распространиться на всех: красивых, уродливых, так себе.

При любых условиях Девушка не против изобразить покорность: *потому что она знает, что она доминирует*. Это достаточно близко к мазохизму, кото-

рому так долго учили женщин, и который заставляет их отдать мужчинам *символы* власти, чтобы восстановить внутреннюю уверенность в том, что они их в действительности сохранили.

Сексуальность не существует.

Это абстракция, отдельный момент, возведённый в абсолют и ставший призраком отношений между людьми.

Девушка находится на своём месте лишь в отношениях, чисто внешних по характеру.

Девушка является производством и движущей силой производства, то есть она является потребителем, производителем, потребителем производителей и производителем потребителей.

«Женственность» Девушки лишь обозначает тот факт, что Спектакль обратил легендарную близость «Женщины» с природой в абсолютную близость со «второй природой» Спектакля.

«Настрой свою пару!»

Пара: сковать весь неконтролируемый поток расстояний между телами, выделяя в нём приемлемую территорию близости.

Девушка придаёт слову «желание» крайне своеобразное значение. Не следует ошибаться: в её устах оно обозначает не то стремление, которое одно смертное существо может испытывать в отношении другого смертного существа или чего-либо ещё, но исключительно, на обезличенном уровне ценности, *разность потенциалов*. Это не эмоциональное напряжение этого создания к своему объекту, но напряжение в вульгарном *электрическом* смысле, механическое неравенство.

Соблазнение изначально не было спонтанным отношением между мужчинами и женщинами, но основным отношением людей *между собой*. Соблазнение всегда имело сексуальность в своём пустом центре, но последняя была отталкивающей, пока её эффект не был инвертирован. Стыд и эксгибиционизм — два противоположных полюса одной и той же выдумки.

Спектакль смотрит на вас глазами Девушки.

Экзистенциальное состояние Девушки не замедлило распространиться во всех сферах человеческой деятельности. Например, в архитектуре это называется *фасади́зм*.

Девушка обретает свою реальность вне себя, в Спектакле: во всех подложных представлениях идеала, которые он распространяет, во всех мимолётных условностях, которые он устанавливает, во всяком поведении, которому он требует подражать. Она является лишь незначительным сгущением всех этих абстракций, которые ей предшествуют и которые следуют за ней. Другими словами, она является чисто идеологическим созданием.

«Сдержанная и рассудочная, чувственная и холодная, эффектная и энергичная, непостоянная и творческая, активная и властная, милая и общительная, подавляемая и чувствительная, эмоциональная и сознательная. КТО ВЫ НА САМОМ ДЕЛЕ?»

Сущностью девушки является таксономия.

Среди монад соблазнение — то отношение, которое наиболее соответствует их сущности. Завершённость и нечувствительность обеих сторон составляют фундаментальную гипотезу. Однако эту нечувствительность к тому, кого она обнимает, Девушка называет «уважением».

Пикап является наиболее очевидной областью *механического* функционирования товарных отношений.

«Мода является подходящей игровой площадкой для индивидуумов, которым не хватает самостоятельности, и они нуждаются в очках поддержки, но притом им надо отличиться, привлечь к себе внимание, выделиться... Мода возвышает ничтожного, делая его представителем тотальности, конкретным воплощением общего духа. Она позволяет сделать возможной социальное послушание, которое одновременно является индивидуальной дифференциацией... В данном случае действует смесь из покорности и чувства превосходства» (Георг Зиммель, *Философия моды*).

Пара подвержена шантажу, который проявляется сильнее и сильнее как шантаж ограничением доступа к сексу. Но подобный ультиматум имеет двойственный характер: Девушка позволяет себе быть действительно близкой лишь с «лучшими друзьями / подругами», в отношении которых всякая латентная сексуальность была погашена заранее; и никто не удерживается ею на столь большом расстоянии, как те, с кем она спала. Именно опыт этого расстояния трансформирует любовника / любовницу в партнёра.

Всё поведение Девушки выражает *одержимость расчётом*.

«Если бы она была моей, она бы никогда не была бы только моей, и не должна была бы ей быть. Красота создана для глаз всех, это общественная институция» (Карло Досси, *Любови*, 1887).

На жизненном пути целью Девушки является «ноль ошибок». Таким образом, она применяет к себе самой правила, действующие на производстве. Её империа-

лизм не чужд этому стремлению служить примером для остальных Блумов.

Всякая деятельность Девушки, в пользу которой она отрекается от всякой свободы и в которой она никогда не перестаёт терять себя, имеет *косметический* характер. Это, среди прочего, то, что делает её подобным всему этому обществу в целом, которое так стремится обелить своё лицо.

У Девушки есть привычка называть овеществлённое единство своих ограничений своей «личностью». Она может тем самым утвердить своё право на ничтожность как на право «быть собой», то есть то единственное право, которое она отвоёвывает и защищает.

Чтобы секс мог распространиться на все сферы человеческого существования, в первую очередь требуется, чтобы он был причудливо выделен как момент, отдельный от всей остальной жизни.

Тело Девушки является лишь концессией, выданной ей на более-менее длительный срок; это хорошо объясняет ту ненависть, которую она к нему испытывает. Это лишь временная резиденция, что-то, что она взяла напрокат, хотя и *пользуется* этим бесплатно; ещё и потому, что стены, её коммодифицированная реальность, проецируемая капиталом, движущая сила производства и потребления, остаются во власти социальной автономизированной тотальности.

«Эй, за кого он себя принимает?»

Девушка является формой «социальной связи», поскольку она в прямом смысле *связывает* вас с этим обществом.

«Идеальный секс не импровизируется; он задумывается, организуется и планируется».

Любовь Девушки — это *работа*, и как всякая работа, она стала *ненадёжной*.

Такие незначительные идентичности, как «мужественность» и «женственность», являются лишь удобными инструментами в управлении социальными отношениями в Спектакле. Это фетиши, необходимые для распространения и потребления других фетишей.

Спектакль находит своё отражение в Девушке, которая является его Пигмалионом.

Сама по себе Девушка ничего не выражает, она — знак, чей смысл находится извне.

Девушка является аппаратом по упрощению всего, вступающего с ней в контакт, до уровня Девушки.

«Жить вместе, но каждый сам за себя».

Девушка — это высшая точка отчуждённой социализации, где самый социализированный также является наиболее асоциальным.

В сексуальности, как и в деньгах, отношения автономизируются от тех, кого они соединяют.

В первую очередь её тело (но в целом и всё её существо) выражает характер *капитала*, которого Девушка была лишена.

Сексуальность — это механизм разделения. Через неё в социальных отношениях утверждается фикция истинной сферы всех отношений всех существ, где расстояние от себя до себя, как и от себя до другого, было наконец преодолено, где была воссоздана чистая случайность. Выдумка сексуальности устанавливает альтернативы истина / видимость, искренность / ложь таким образом, что всё, что ею не является, оказывается отвергнутым как ложь. Таким образом, она заранее предотвращает всякую возможность *формирования*

отношений между телами. Искусство расстояний, экспериментирующее преодоление разделения, создаётся против механизма «сексуальности» и его бинарного шантажа.

Девушка также является элементом декора, петушком на флюгере «современных» условий существования.

Даже о любви девушка говорит на языке политической экономии и управления.

Весь мир Спектакля — это зеркало, которое показывает Девушке картину, похожую на её идеал.

В мире Девушки требование свободы приняло форму требования соблазна.

Девушка является анекдотом мира и господством мира анекдота.

«Работа. Вы вступаете в период важного созидания, который с энергией толкнёт вас в будущее. Всё это ждёт вас: удача, творчество, популярность. Любовь. Ваша привлекательность принесёт вам много положительных откликов».

Для девушки язык гороскопов также является «языком реальной жизни».

Девушка обладает воистину магическим качеством превращать самые разнородные «качества» (удача, красота, ум, благородство, чувство юмора, социальное происхождение и т. д.) в единую «социальную ценность», которой она пользуется при выборе отношений.

Спектакль утверждает, что способен пробудить в каждом спящую внутри него Девушку. Это единобразие, которым он продолжает вымысел.

Ложь порно заключается в обещании показать непристойное, дать увидеть точку исчезновения всякого

представления. В действительности любой семейный обед, любое собрание менеджеров являются более непристойными, чем сцена с окончанием на лицо.

В теле Девушки нет места для двоих.

Стремление Девушки превратиться в символ говорит ни о чём ином, как о её желании *участвовать* любой ценой в обществе безучастности. Она выражает *непрестанную* попытку оставаться в соответствии со своим видимым образом. Задача предполагает фанатизм.

Любовь невозможна в современных условиях производства. В мире рыночного разоблачения подарок предстаёт либо как абсурдная слабость, либо как часть потока других обменов, управляемого «расчётом бескорыстия». Человек должен иметь близость лишь со своими интересами, до той степени, пока они ещё не предстают перед ним разоблачёнными, пока ещё ложь и симуляции сохраняют правдоподобие. Потому воцаряется параноидальная подозрительность о подлинных намерениях и мотивациях других; подарки являются столь подозрительными, что в дальнейшем придётся *платить за право дарить*. Девушка знает об этом лучше, чем кто-либо ещё.

Грязная игра в обольщение.

Когда частная собственность очищается от всякой своей метафизической сущности, она не умирает тотчас. Она выживает, но её содержание теперь противоположное: она является правом лишать других использования нашего имущества. Когда половые акты освобождаются от всякого имманентного значения, их количество начинает быстро увеличиваться. Но теперь это, в конечном счёте, лишь эфемерная моно-

полю на использование генитальных органов друг друга.

Для Девушки несерьёзность всяких отношений является следствием несерьёзности существования.

IV. Девушка как товар

Девушка обеспокоена не столько тем, чтобы заполучить свой эквивалент на рынке желаний, сколько тем, чтобы убедиться в своей *стоимости* как таковой, которую она хочет знать с уверенностью и точностью до тысячных знаков, которые она преобразует в то, что называет «потенциалом соблазнения», то есть в свою *ману*.

«Не удалось отдаться — сумеет продаться» (Стендаль).

«Как быть соблазнительной и при этом не прослыть шлюхой».

Стоимость Девушки не основывается ни на каком внутреннем или даже внешнем базисе, таким основанием является исключительно её взаимозаменяемость. Стоимость Девушки проявляется исключительно в отношении с другой Девушкой. Вот почему она никогда не ходит одна. Делая из другой Девушки равную себе в стоимости, она входит в отношения с собой в качестве стоимости. И входя в отношения с собой в качестве стоимости, она дифференцируется от самой себя в качестве единичного бытия. «Таким образом, представляя себя как нечто, дифференцированное в самом себе, она начинает действительно представлять себя как товар» (Маркс).

Девушка — это товар, который в любой момент времени требует, чтобы его потребляли, потому что с каждым моментом времени он всё сильнее портится.

Девушка не содержит в себе вещи, делающей её желанной: её Рекламы.

Девушка — это абсолютизм: её покупают потому, что у неё есть цена, у неё есть цена потому, что её покупают. Тавтология товара.

Девушка — это та, кто предпочитает сама стать товаром, нежели безучастно страдать от тирании.

В любви, как и в остальном этом «обществе», *никто более не может игнорировать свою цену.*

Девушка — это место, где товар и человек сосуществуют без *видимых* разногласий.

Мир Девушки демонстрирует особую неестественность, где овеществление достигло дополнительного уровня: *в нём человеческие отношения скрывают товарно-денежные отношения, скрывающие человеческие отношения.*

«Ты заслуживаешь большего, чем этот чувак / эта тёлочка».

Девушка внутри Спектакля, подобно невольнице на рынке рабов, является *объектом* Рекламы. Но Девушка является сверх того и субъектом Рекламы, выставляющим себя на продажу. Это разделение в Девушке является её фундаментальным отчуждением. Сюда можно добавить и такую трагедию: в то время как экзогамия надёжно поддерживает постоянные отношения между племенами, *мана* Девушки утекает сквозь пальцы, её Реклама терпит крах, и *ей самой* придётся расхлёбывать последствия.

Девушка поглощена своей стоимостью. Она — не более чем её собственная стоимость, *и это причиняет ей физические страдания.*

Быть купленной не является позором для Девушки, наоборот, позором для неё является не быть купленной. Её слава основывается не только на стоимости, но и на самом факте оценки.

Ничто не является менее личным, чем «личные ценности» Девушки.

Не так уж редко, когда злоупотребление языком постепенно превращается в злоупотребление реальностью, владельцы уникального или дорогого объекта проникаются привязанностью к вещи и в итоге начинают утверждать, что её «любят» или даже «любят очень сильно». Точно так же некоторые «любят» Девушек. Разумеется, если бы это действительно было так, они бы уже умерли от несчастья.

Девушка реализует самокоммодификацию нетоварного и самооценку неоценимого.

«О... нет, не в первый же вечер».

«Личная ценность» Девушки является лишь «ценой», за которую она согласна собой торговать; и она торгует собой в конечном счёте лишь ради того, чтобы увеличить свою стоимость.

Девушка продаёт своё существование как особую услугу.

Всё неисчислимое, что Девушка даёт, она также подсчитывает.

В обмене, который устанавливает Девушка, персона заменяет другую персону в обстановке товарной обезличенности.

Девушка, действительно обеспокоенная любовью, позволяет приблизиться к себе лишь условно, в качестве закрытия торгов или из рыночных соображений. Даже когда кажется, что она отдаётся полностью, в действительности она отдаёт лишь часть себя по контракту, сохраняя и охраняя свою неотчуждаемую свободу. Поскольку контракт не может подчинить продающего себя человека *целиком*, одна его часть всегда должна оставаться вне рамок контракта — именно для того, чтобы быть способной заключить контракт. Невозможно объяснить более ясно и правдоподобно гнусный характер любви в её нынешнем виде. «Отсюда можно заключить, что отношения были изначально извращены и что в продажном обществе между людьми могут существовать коммерческие связи, но никак не подлинная “общность”, никак не взаимопонимание, превосходящее обмен “хорошими” поступками, будь они сколь угодно необычными. Таковы отношения власти, в которых тот, кто оплачивает и содержит, сам впадает в зависимость от собственной власти, являющейся лишь мерилом его бессилия» (Бланшо, Неопи-сваемое сообщество).

«Надо цепляться!»

В любой момент времени Девушка упорно остаётся *владелицей* своего тела.

Она — официантка, манекенщица, рекламный агент, член руководящего состава или работник культуры. Сегодня Девушка продаёт свою «силу обольщения», как встарь продавали свою «рабочую силу».

Всякий успех в деле соблазнения по своей сути является провалом, точно так же, как это не мы покупаем товар, а товар *хочет* быть купленным, также как

это не мы соблазняем Девушку, а Девушка *хочет* быть соблазнённой.

Брокер несколько своеобразной сделки, Девушка направляет все свои усилия на *реализацию хорошего перепихона*.

Разнообразия социальных, географических и морфологических ограничений, навешенных на каждую партию человеческих органов, которую встречает Девушка, недостаточно, чтобы объяснить её дифференциальное позиционирование среди конкурирующих продуктов. Её меновая стоимость не может основываться ни на каком-либо особом выражении, ни на каком-то существенном установлении, которые не могут быть адекватно приведены в соответствие даже при могущественном посредничестве Спектакля. Эта стоимость, следовательно, определяется не эфемерными природными факторами, но, наоборот, количеством труда, расходуемого каждым, чтобы стать узнаваемым в глянцевах глазах Спектакля, то есть чтобы произвести себя как знак качеств, признанных отчуждённой Рекламой, и которые всегда были, в конечном счёте, синонимами подчинения.

Главная задача Девушки — организация собственной редкости.

Безмятежность для Девушки заключается в *точном* знании собственной *цены*.

«Какой позор! Отвергнута стариком!»

Девушка никогда не беспокоится о себе, но исключительно о своей *цене*. Потому, когда она сталкивается с ненавистью, её одолевают сомнения: неужели её котировки упали?

Если бы у Девушек было желание разговаривать, они сказали бы: «Наша потребительская стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости» (Маркс, Капитал).

«Соблазняйте полезных. Не утруждайте себя возбуждением всех подряд».

Девушка относится к себе так же, как и ко всем товарам, которыми она себя окружает.

«Не стоит себя настолько обесценивать!»

Задача Девушки в первую очередь состоит в том, чтобы придать себе ценность.

Точно так же, как объект, приобретённый за конкретную сумму денег, ничтожен с точки зрения того бесконечного числа возможностей, которые содержит эта сумма, так и сексуальный объект, в самом деле принадлежащий Девушке, является не более чем разочаровывающей кристаллизацией её «потенциала соблазнения», а половой акт с ним — жалкой объективацией всех тех половых актов, которые могли бы у неё быть. Эта насмешка надо всем в глазах Девушки является признаком религиозной интуиции, которая скатилась в дурную бесконечность.

Девушка — это самый авторитарный товар в мире авторитарных товаров, такой, которым никто не может в полной мере обладать, но который следит за вами и который может быть в любой момент у вас изъят.

Девушка — это товар, который тщится самолично устанавливать себе покупателя.

Девушка живёт семьёй среди товаров как среди своих сестёр.

Абсолютный триумф Девушки демонстрирует, что социальность на данный момент является наиболее ценным и востребованным товаром.

Характерной особенностью империалистической эпохи, эпохи Спектакля и Бюрократии, является тот факт, что собственное тело для самой Девушки принимает форму принадлежащего ей товара. «С другой стороны, лишь начиная с этого момента товарная форма человеческих существ приобретает всеобщий характер» (Маркс).

Следует объяснить, что гляцевый вид облика Девушки связан с тем, что, являясь товаром, она также является *кристаллизацией* определённого количества *труда*, затраченного, чтобы привести себя в соответствие со стандартами конкретного типа обмена. И форма, в которой проявляется Девушка (так же, как и товар), характеризуется утаиванием или, как минимум, добровольным забыванием конкретно этого труда.

В «любви» Девушки отношения между вещами принимают фантазмагорическую форму отношений между людьми.

С Девушкой не только товар овладевает человеческой субъективностью, это прежде всего человеческая субъективность раскрывается как интериоризация товара.

Следует полагать, что Маркс не думал о Девушках, когда писал, что «товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться».

«Мой парень — поэт».

«Оригинальность» является частью системы банальности Девушки. Этот концепт позволяет ей уравнивать все своеобразие как полностью лишённые содержания. В её глазах любое несоответствие норме занимает место среди конформистского нонконформизма.

Всегда было поразительно видеть, как теория конкурентных преимуществ, разработанная Рикардо, подтверждается более полно коммерцией Девушек, нежели коммерцией неодушевлённой собственности.

Девушка *осознаёт* свою цену исключительно путём обмена.

В провинции, в пригородах, в центре мегаполиса все Девушки эквивалентны между собой.

Товар — это материализация отношений; и Девушка — это его *воплощение*.

В наши дни Девушка является наиболее востребованным товаром: *человеческим* товаром.

В мире товарного разоблачения, где за «красотой» не кроется ничего соответствующего, где видимость автономизировалась от всякой сущности, Девушка может, что бы она ни делала, лишь отдаваться *кому угодно*.

«Плевать, не одна, так другая...»

«Законы рынка» были *индивидуализированы* в Девушке.

То, что сейчас принято называть «любовью» — не более чем фетишизм, связанный с конкретным товаром: с *человеческим* товаром.

Глаз Девушки способен распознавать действительную эквивалентность любых мест, всех вещей и живых существ. Таким образом, Девушка может добро-

совестно обращаться всё, что попадает в её поле зрения, в нечто, ей уже известное из отчуждённой Рекламы. Это то, что выражает её язык, переполненный «типа», «вроде» и прочими «как бы».

Девушка является главным аспектом того, что последователи Антонио Негри называют «использованием желаний и эмоций в труде», навечно ослеплённые этим миром товара, который они всегда находят безупречным.

«Совращение: изучайте любовный маркетинг. Вы мечтаете о нём, он вас игнорирует. Склейте его по законам маркетинга. Ни один мужчина не сможет противостоять тщательно продуманному плану кампании. Особенно если продукт — это вы».

Там, где царит Спектакль, стоимость Девушки немедленно вступает в силу; её красота сама по себе понимается как *исполнительная власть*.

Чтобы сохранить свою «ценность раритета», Девушка должна продавать себя по полной цене, из чего следует, что в большинстве случаев она должна отказаться продавать себя. Таким образом, как мы видим, Девушка является оппортунисткой даже в воздержании.

«... потому что я этого достойна!»

В терминах классической экономики следовало бы полагать, что Девушка является товаром Гиффена, то есть объектом, спрос на который возрастает по мере его удорожания, вопреки тому, как происходит «обычно». В эту категорию попадают товары роскоши, из которых Девушка, безусловно, является наиболее распространённым.

Девушка никогда не позволяет обладать собой как Девушкой, точно так же, как товар никогда не позволяет владеть собой как товаром, но исключительно как *вещью*.

«Можно быть хорошенькой, общительной, окружённой непристойными предложениями и одновременно с тем ОДИНОКОЙ ВНУТРИ».

Девушка не существует как Девушка вне пределов системы общей эквивалентности и её гигантского движения кровообращения. Ею никогда не обладают по той же причине, по которой она желанна. В тот самый момент, когда её покупают, убирают из обращения, мираж исчезает, она освобождается от магической ауры, от окружавшего её ореола трансцендентности. Она просто дырка в мясе.

«Современный мир является тотально проститутизированным не из-за похоти. Он к такому совершенно неспособен. Он тотально проститутизирован, поскольку он полностью взаимозаменяем» (Пеги, Объединённая заметка).

Девушка — это единственная наследница всей псевдоконкретности этого мира, и в первую очередь псевдообъективности полового акта.

Девушка хочет быть вещью, но не хочет, чтобы к ней относились как к вещи. Вся эта путаница происходит не только потому, что к ней относятся как к вещи, но, что важнее, и потому, что ей не удаётся действительно быть вещью.

«Нет, моё тело не является товаром, это средство производства».

Наиболее омерзительно не то, что Девушка является по своему существу шлюхой, но то, что она отка-

зывается воспринять себя в этом качестве. Поскольку шлюха, которую не только покупают, но которая также и та, кто *продает себя*, является максималистическим образом свободы на территории товара.

Девушка является вещью в той же мере, в которой она считает себя человеком; она является человеком в той же мере, в которой она считает себя вещью.

Блядство есть высшая святость, которую может вообразить мир товара.

«Будь собой (это оплачивается)».

Коварство рыночной логики предписывает определять стоимость Девушки именно по тому, что в ней содержится из нерыночного, «подлинного», «благого».

Девушка — это кризис связности, который растормошил недра рыночного общества в последней четверти прошлого века. Она является ответом на требование полной коммерциализации жизни во всех её аспектах, на необходимость придать рыночную форму абсолютно всему, что всё ещё образно называется «человеческими отношениями».

Миссия Девушки заключается в том, чтобы заново очаровать повсюду повреждённый мир товара, продлить катастрофу в радости и беспечности. С неё начинается форма потребления в квадрате: потребление потребителей. Если судить по внешним признакам, что во многих случаях стало вполне допустимым, следует сказать, что благодаря Девушке рынку удалось полностью захватить нерыночное.

Задница Девушки является последним бастионом иллюзии потребительной стоимости, которая столь явно исчезла с плоскости существующего. Ирония,

конечно, заключается в том, что эта стоимость сама по себе всё ещё является *обменом*.

Внутри Спектакля о Девушке можно сказать то же, что Маркс говорил о деньгах, что это «особый товар, который выделяется общественным действием всех остальных товаров и служит выражению их стоимости».

V. Девушка как живая валюта

Девушка обесценивается, когда она выходит из обращения. И когда она утрачивает возможность вернуться на рынок, она начинает портиться.

Девушка — это товар, специально предназначенный для распространения стандартных эмоций.

Стоимость никогда ничего не измеряла, но то, что она до сих пор не измерила, она измеряет всё хуже и хуже.

Живая валюта является последним ответом рыночного общества на неспособность денег стать равноценными, а, соответственно, и приобретать высшие человеческие творения, те, которые одновременно и *наиболее ценные и наиболее общие*. По мере того как власть денег распространилась до краёв мира и на все выражения человеческой жизни, они лишились всякой собственной ценности, стали столь же безликими, как сама их идея, и, соответственно, столь ничтожными, что установить их эквивалентность с чем-либо личным становится всё сложнее и сложнее. Именно это абсолютное неравенство между ними и человеческой жизнью всегда проявлялось в невозможности справедливой оплаты труда проститутки. Благодаря живой валюте рыночная власть достигла устранения двух невозможностей: во-первых, невозможности приобрести человеческую жизнь как таковую, как *спо-*

собность; во-вторых, невозможности приобрести её высшие произведения — увеличивая их количество. Живая валюта позволила установить равенство между бесконечностью личных творений людей, которые одновременно с тем приобрели первостепенное значение, и бесконечностью человеческой жизни. Теперь Спектакль оценивает неоценимое посредством «объективной» стоимости неоценимого.

«Живая валюта», индустриальный раб, оценивается одновременно как надёжный знак богатства и как само богатство. В качестве знака она оценивается наряду со всеми иными материальными богатствами, в качестве богатства, однако, она исключает любые иные потребности, кроме того, чтобы она изображала удовлетворение. Но удовлетворение, в точном смысле слова, также исключено её свойствами знака» (Клосовски, Живая валюта).

С Девушкой как с товаром связан характер исключения, базирующийся на том, что она *также* неустрашимым образом является человеческим существом, то есть чем-то, что, подобно золоту, является само по себе собственной целью. И именно в силу этой ситуации *исключения* она возвращается к роли всеобщего эквивалента.

Живая валюта и, конкретнее, Девушка является достаточно вероятным выходом из кризиса стоимости, потерявшей способность оценить и оплатить наиболее характерные производства этого общества, те, что связаны с *общим интеллектом*.

Сохранение минимума социальных условий обусловлено тем фактом, что избыток живой валюты обесценил бы её и сделал неспособной составлять серъ-

ёзный эквивалент неоценимому, которое она предназначена покупать. Одновременно с тем, делая неоценимое оценимым, она подрывает свои собственные основы. Призрак инфляции бродит по миру Девушек.

Девушка является *последним непоколебимым основанием* зрелищной экономики, её главной движущей силой.

Задница Девушки является не носителем новой ценности, а исключительно небывалым обесцениванием всякой предшествующей ценности. Разрушительной силой Девушки является способность уничтожить всякое производство, которое не может быть конвертировано в живую валюту.

Посреди торжествующего нигилизма всякое значение величия и престижа давно бы уже исчезло, если бы оно не могло быть незамедлительно конвертировано в Девушек.

Девушка никогда не упускает возможности провозгласить победу живой валюты над презренной наличностью; так в обмен на саму себя она требует бесконечный ответный дар.

Деньги перестали быть высшей точкой экономики. Их триумф обесценил их. Голый король, полностью лишившийся метафизического содержания, также утратил всякую ценность. Никто в биополитическом стаде больше не выказывает ему уважения. Живая валюта предназначена занять место денег в качестве всеобщего эквивалента — того, *в соотношении с чем* определяется цена. Это её значение и её конкретность. Покупательная способность живой валюты и тем более Девушки неограниченна, она распространяется на всё существующее, поскольку в ней богатство исполь-

зуется дважды: как знак и как действие. Высокий уровень «индивидуализации» людей и их произведений, который сделал деньги неспособными служить посредником в действительно личных отношениях, обращается на службу распространению живой валюты.

Похоже, вся конкретность мира исчезла в *заднице* Девушки.

Так же как организация общественной нищеты была необходима после 1968-го, чтобы вернуть товару его поруганную честь, так же и сексуальная нищета необходима для поддержания тирании Девушки, живой валюты. Но в этой нищете нет ничего экономического, наоборот, это нищета «сексуальности» как таковой, которая в конце концов проявилась.

«Скажи мне марку своего авто, и я скажу, кто ты».

Деньги совершенно не противоречат живой валюте, они являются пройденным этапом, который она консервирует со всей её бухгалтерией, которая больше ничего не способна измерить.

Когда конвертация высокодифференцированной человеческой жизни в деньги стала окончательно невозможной, была изобретена Девушка, восстановившая значение обесценившихся денег. Но когда она деклассировала деньги, сделав их второстепенным фактором, она, одновременно с тем, возродила их, восстановила их сущность. И деньги смогли продолжить своё существование благодаря этой уловке.

Безликость Девушки имеет ту же идеальную, безупречную и очищающую сущность, что и деньги. Девушка *не пахнет*.

Так же, как потребительская стоимость никак не соотносится с меновой стоимостью, эмоции, достав-

ляемые живой валютой, не поддаются подсчёту, они не соизмеримы с чем-либо. Но настолько же мало, сколь потребительская стоимость существует независимо от меновой стоимости, настолько же мало эмоции, доставляемые живой валютой, существуют вне системы, в которой они обмениваются. Никто более не наслаждается Девушкой или золотом, но исключительно их бесполезностью или их редкостью. Безразличие и нечувствительность Блума были необходимым условием возникновения иллюзии такой эмоции и её объективности.

Когда Маркс утверждает, что меновая стоимость кристаллизирует время труда, необходимое для производства объекта, он лишь указывает, что, в конечном счёте, стоимость определяется лишь жизнью, нейтрализованной в вещи, то есть что живая валюта — это главное из всех денежных средств.

«Когда телесный облик индустриального раба полностью включён в сложение исчислимого дохода, которое он может произвести — его лицо становится неотделимым от его работы — лишь видимое различие сохраняется между личностью и её деятельностью. Телесный облик уже является товаром, независимо и в дополнение к тем товарам, которые этот облик помогает производить. И теперь промышленный раб или устанавливает неразрывную связь между своим телесным обликом и деньгами, которые он приносит, или телесный облик подменяет собой функцию денег, будучи сам по себе деньгами: одновременно эквивалентом богатства и самим богатством» (Клоссовски, Живая валюта).

Во французском языке слово «foutre»* используется для обозначения любой деятельности в уничижительном тоне. «Qu'est-ce que tu fous?»** И верно, что во всех обществах, где человек не может достичь свободной деятельности, *ебля* предстаёт в качестве абстрактного всеобщего эквивалента, нулевого уровня всех действий.

С появлением Девушки мы действительно можем испытать, что значит «трахаться», то есть трахать кого-то, не трахая кого-то *конкретного*. Поскольку ебать столь абстрактное, столь заменимое существо, значит ебать абсолютом.

Если деньги — это король товаров, то Девушка — это их королева.

Предпочитают молчаливых, безмолвных, не словоохотливых порнозвёзд; не потому, что то, что они могли бы сказать, было бы недопустимым или чрезмерно резким, а наоборот, потому что когда они говорят, то, что они рассказывают о самих себе, является истиной *любой Девушки*. «Я принимаю витамины для красоты волос, уход за телом — это ежедневная работа. Это норма: следует работать над своим внешним видом, над своим образом в глазах зрителей», — признаётся одна из них.

В финальной стадии Спектакля всё опосредованно через сексуальность, то есть половой акт подменяет собой ценность конкретных вещей как их конечное предназначение. Существование мира товара теперь стремится исключительно к этому.

* Ебать (*фр.*).

** Ебать, что же ты делаешь? (*фр.*).

«Пока свободная любовь не распространится, всегда будет требоваться некоторое количество девушек, чтобы выполнять функцию нынешних проституток» (Георг Зиммель, Философия любви).

Девушки из сферы обслуживания, маркетинга, магазинов и социальных служб. В скором и обозримом будущем вся прибавочная стоимость капиталистического режима будет производиться Девушками.

Половой акт служит монетизации самоуважения.

Каждая Девушка представляет собой автоматический и стандартизированный преобразователь существования в рыночную стоимость.

Девушка является ни субъектом, ни объектом эмоции, но её *предлогом*. Наслаждаются не Девушкой и не её наслаждением, но наслаждением ею. Требуется некоторая авантюра.

Во многих традиционных культурах деньги были метафорой женщины и её плодovitости. В эпоху Девушки женщина стала метафорой денег.

Подобно деньгам, Девушка эквивалентна самой себе, она не соотносится ни с чем, кроме себя самой.

Девушка — это подлинное золото, абсолютные деньги.

Односторонне-фетишистская точка зрения — полагать, что «живой объект, являющийся источником эмоций, с точки зрения товарообмена стоит своих затрат на эксплуатацию» (Клоссовски, Живая валюта).

Время, освобождённое посредством совершенствования и повышения эффективности средств производства, привело не к какому-либо снижению времени «работы», но к расширению сферы «работы» на тотальность жизни и, главным образом, к установле-

нию и поддержанию достаточной массы живой валюты, *наличных* Блумов и Девушек, предназначенных служить возникновению параллельного и уже регулируемого сексуального рынка.

Призрачный характер Девушки отражает призрачный характер причастности к этому обществу, вознаграждением за которую является Девушка.

Живая валюта раскрывает истину рыночного обмена, то есть его ложь: невозможность установить эквивалентность между бесконечностью человеческой жизни (обычно кристаллизирующейся во «времени труда») и безжизненным, деньгами или чем-либо ещё в любом количестве. Поскольку ложь рыночного общества в итоге предназначена для того, чтобы выдать за регулируемый обмен то, что всегда было ЖЕРТВОЙ, и таким образом пытаться погасить БЕСКОНЕЧНЫЙ ДОЛГ.

VI. Девушка как компактное политическое устройство

Более явно, но не менее основательно, чем всякий товар, Девушка является *устройством наступательной нейтрализации*.

Как иначе капитализм смог бы мобилизовать чувства, чтобы распылить свою власть вплоть до колонизации наших ощущений и эмоций, если не при *посредничестве* Девушки.

Подобно экономике Девушка полагает, что удерживает нас за счёт инфраструктуры.

«Воспринимайте жизнь с лучшей стороны», поскольку История движется к худшей.

Биовласть доступна в виде кремов, таблеток и аэрозолей.

Соблазнение — это новый опиум для масс. Это свобода и радость в несвободном и безрадостном мире.

Ужасный пример нескольких свободных женщин в прошлом убедил власть в уместности предотвращения всякой женской свободы.

Чувствами, психологией, семьёй, «искренностью», «здоровьем», завистью, покорностью всем социальным детерминизмам: всеми доступными средствами Девушка защищается от свободы.

Под личиной смешливой нейтральности Девуш-

ка является наиболее грозным из политических устройств угнетения, предстающих нашему взгляду.

«У тебя всё в порядке с сексом?»

Девушка продвигается подобно живому механизму, управляемому Спектаклем и самоуправляющемуся под руководством Спектакля.

Власть обнаружила тут средство гораздо более мощное, чем простую силу принуждения: *направленную привлекательность*.

Девушка — простейшая биополитическая личность.

Исторически Девушка возникла крайне схожей с Биовластью, как добровольный адресат всякой биополитики, тот, к кому обращается всё общество.

«Плохо питаться — это роскошь, признак лени. Ненависть к телу — это крайне любезное отношение к себе. Труженица занята поддержанием своего телесного капитала (тренажёрный зал, бассейн); в то время как для студентки наиболее важной является эстетика (танец) или изматывающий расход сил: ночной клуб».

Функция Девушки заключается в трансформации обещаний свободы, содержащихся в достижениях западной цивилизации, в избыток отчуждения, в углубление рыночного порядка, в новые формы рабства, в сохранение *политического* статус-кво.

Девушка живёт в той же обстановке, что и Технология: формальной спиритуализации мира.

Внутри господства рынка соблазнение сразу же предстаёт как осуществление *власти*.

Девушка не имеет собственного мнения и не придерживается собственных позиций; при первой возможности она прячется в тени победителей.

«Современный» тип труда, при котором прибыль извлекается не из определённого количества производительных сил, но из покорного использования конкретных «человеческих качеств», превосходно соответствует способностям Девушки в области имитации.

Девушка — это краеугольный камень системы поддержания рыночного порядка: она сама встала на службу всем реставрациям. Потому что Девушка *хочет ебаного мира*.

Девушка является идеальным *сотрудником*.

Девушка представляет себе свободу как возможность выбирать из тысячи ничтожностей.

Девушка *не хочет истории*.

Девушка стремится к *регламентации всех чувств*.

В мире авторитарных товаров всякие наивные похвалы желанию являются непосредственными похвалами рабству.

Всякий раб семиократии извлекает из неё некоторую власть: суждения, неодобрения, мнения.

Девушка является материализацией способа, которым капитализм реинвестировал все нужды, от которых он освободил людей, в неустанное приведение человеческого мира в соответствие с абстрактными стандартами Спектакля и в повышение этих стандартов. И Девушка, и Спектакль разделяют болезненную одержимость оставаться идентичными самим себе ценной безудержной деятельности.

Жёсткий контроль и чрезмерная забота, которые это общество демонстрирует в отношении женщин, выражает лишь заботу общества о том, чтобы воспро-

изводиться в полной идентичности и КОНТРОЛИРОВАТЬ свою сохранность.

«Американская академия политических и социальных наук в публикации о роли женщин в современной Америке (1929) приходит к выводу, что массовое потребление сделало “образ жизни современной домохозяйки... намного более похожим на образ жизни предпринимателя, чем специализированного рабочего”» (Стюарт Юэн, Сознание под влиянием).

Прежде всего программа Биовласти принимает форму процесса подчинения людей их собственным телам.

Спектакль устранил тело, чрезмерно его заклиная, в то время как религия заклинала тело, чрезмерно его устранив.

Девушка уважает «искренность», «добросердечность», «любезность», «скромность», «откровенность», «сдержанность» и, в общем, все добродетели, которые, будучи понятыми односторонне, являются синонимами рабства.

Девушка живёт в иллюзии, что свобода находится в конце всеобщей покорности товарной Рекламе. Но в конце этого рабства лишь старость и смерть.

«Свободы не существует», — говорит девушка и заходит в аптеку.

Девушка хочет быть «независимой», то есть (в её представлении) зависящей исключительно от мнения общества.

Любое величие, которое не является одновременно с тем знаком закабаления миром авторитарного товара, по этой же причине обречено на абсолютную ненависть Девушки, которая не боится в таких случаях

говорить о «высокомерии», «самодовольстве» и даже о «презрении».

Девушка — это основной объект приемлемого потребления и товарных развлечений.

Доступ к свободе в Спектакле является лишь доступом к предельному потреблению рынка желания, составляющего его символическую сердцевину.

Преобладание рынка развлечения и желания является элементом операции по умиротворению общества, функцией которого внутри неё является временное сокрытие живущих противоречий, пересекающих каждую точку имперской биополитической структуры.

Символические привилегии, которыми Спектакль награждает Девушку, компенсируются в виде освоения и распространения эфемерных кодов, обновлённых способов эксплуатации, общей семиотики, которой общество должно располагать, чтобы делать политически безопасным свободное время, освобождённое благодаря «прогрессу» общественной организации труда.

Девушка как центральный элемент «разрешительной дрессировки».

Девушка как фактор обстановки и действия в диктаторском управлении досугом.

В глубине души Девушки — отпечаток штампа; потому она является носителем всего полагающего равнодушия, всей надлежащей сдержанности, которую требуют условия жизни в крупных городах.

Для Спектакля имело бы мало значения, если бы соблазнение повсюду стало ненавистным, если бы люди не могли создать себе превосходящую его идею изобилия.

Когда Спектакль пытается воздать «хвалу женственности» или более буквально констатировать «феминизацию мира», от него можно ожидать лишь скрытой пропаганды всех форм рабства и созвездия «ценностей», обладание которыми всегда пытаются имитировать рабы.

«Какой ты противный!»

В наши дни Девушка является наиболее эффективным из агентов по контролю над поведением. Благодаря Девушке власть проникла в самые отдалённые уголки жизни каждого.

Жестокость, с которой в мире авторитарных товаров администрируется женственность, напоминает, как власть чувствовала себя свободной в помыкании рабами, даже в те моменты, когда они требовались ей для обеспечения её воспроизводства.

Девушка — это сила, всякое восстание против которой заведомо является варварским, недостойным и даже предельно тоталитарным.

В мире авторитарного товара живущие распознают в своих отчуждённых желаниях демонстрацию могущества, отнятого у них врагом.

VII. Девушка как военная машина

Девушка выражает добровольное согласие на всё, что может означать закабаление какой-либо потребностью: «жизнью», «обществом», «работой», воспитанием детей, другой Девушкой. Но это согласие определяется исключительно путём отрицания, оно распространяется на эти вещи в той мере, в которой они сделаны неспособными к какому-либо единому выражению.

За показной улыбкой девушки всегда скрывается исправительная колония.

Спектакль — единственное обоснование легитимности Девушки. Насколько Девушка послушна самодурству общественного мнения, настолько же она настроена тиранически по отношению к живым. Её покорность обезличенности Спектакля даёт ей право подчинять ему кого угодно.

В ебле, как и в остальных сферах своего бытия, Девушка выступает как грозный механизм отмены негативности.

Поскольку Девушка является живым присутствием всего, что гуманно желает нашей смерти, она — не только наиболее чистый продукт Спектакля, она — пластиковая улика нашей любви к нему. Она — это причина, по которой мы стремимся к утрате самих себя.

Всё, что Девушке удалось нейтрализовать, занимает место в её мире в качестве аксессуаров.

Соблазнение как война. Распространённая метафора «пистолета» всё меньше и меньше относится к эротике и всё больше и больше к баллистике.

Девушки являются пехотой армии по захвату видимого, низшим уровнем современной диктатуры внешности.

Девушка находится в непосредственных близких отношениях со всем, что содействует переформатированию человечества.

Всякая Девушка являет собой особого рода форпост империализма ничтожности.

Под пристальным наблюдением Девушка предстаёт самым могущественным носителем тирании рабства. Сложно вообразить, в какое бешенство её приводит любое проявление неподчинения. В этом смысле определённый тип тоталитарной социал-демократии соответствует ей идеальным образом.

Жестокость Девушки пропорциональна её немощной пустоте.

Именно благодаря Девушке капитализм смог распространить свою гегемонию на все проявления социальной жизни. Девушка — это самая жестокая пешка рыночной власти в войне, ставкой в которой остаётся тотальный контроль над повседневной жизнью и временем «производства».

Именно потому, что она изображает полную аккультурацию, потому что она определяет себя в терминах, установленных чужим суждением, Девушка является наиболее передовым носителем *этноса* Спектакля и его абстрактных норм поведения.

«Необходимо создать крупный образовательный проект (возможно, по китайскому образцу или по модели красных кхмеров) в виде трудовых лагерей, где мальчики под руководством компетентных женщин будут учиться ведению домашнего хозяйства».

Ничтожность Девушки точно отражает положение угнетённого меньшинства, но в то же время имеет характер империалистический и триумфальный. Так Девушка борется за Империю, своего хозяина.

В отличие от вавилонянок, которые, по словам Страбона, сами передавали храму доход от занятия проституцией, доход от проституции Девушки достаётся Спектаклю без её ведома.

«Дальше начиналось истинное сатанинское царство студентки, была куча конфиденциальных писем, отправленных судьями, адвокатами и прокурорами, аптекарями, коммерсантами, городской и сельской знатью, врачами и т. д., всеми теми замечательными и чудесными людьми, которые всегда мне так импонировали! Я не мог прийти в себя от изумления <...>. То есть все они, вопреки видимости, поддерживали отношения со студенткой? Невероятно, я продолжал повторять, этого не может быть. Зрелость угнетала их настолько, что они, втайне от жены и детей, писали длинные письма юной студентке? <...> Благодаря этим письмам мне полностью открылась вся сила современной студентки. Где она не властвует?» (Гомбрович, Фердидурка).

Девушка — это процесс метафизического заточения, но пленник никогда не находится в плену у неё, но всегда в плену *в ней*.

Девушка — это предупреждение каждому о необходимости идти в ногу с образами Спектакля.

Девушка — это инструмент на службе у общей политики по истреблению существ, способных к любви.

Подобная в этом отчуждённой социальной тотальности, Девушка ненавидит несчастье, поскольку это несчастье её клеймит так же, *как оно клеймит это общество.*

Задача Девушки — пропагандировать особого рода террор развлечений.

— Сколько спецотрядов полиции требуется, чтобы лицо Девушки засияло искренней детской улыбкой?

— Ещё, ЕЩЁ, ЕЩЁ...

Словарный запас Девушки — это словарь всеобщей мобилизации.

«Верность может быть выгодной».

Девушка относится к новой полиции нравов, которая следит за тем, чтобы каждый выполнял свою *функцию* и выполнял исключительно её. Таким образом, Девушка всегда вступает в контакт не с единичными созданиями, но с совокупностью качеств, объективированных в роли, персонаже или социальной ситуации, которой следует соответствовать при любых обстоятельствах. И потому те, с кем она делит свою невзрачную отчуждённую повседневность, всегда будут оставаться «этим парнем» и «этой тёлочкой».

Девушка смотрит на товар горящими глазами, полными зависти, потому что она видит в нём свою модель, то есть более совершенную версию себя самой. То человеческое, что ещё осталось в ней, не только является недостатком в отношениях товарного совер-

шенства, это ещё и причина всех её страданий. И потому оно подлежит уничтожению.

С непритворной горечью Девушка упрекает реальность в несоответствии заданному Спектаклем уровню.

Неосведомлённость, в которой Девушка остаётся в роли краеугольного камня в нынешней системе власти, также составляет часть этой роли.

Девушка — это пешка во всеобщей войне, которую власть ведёт с целью искоренения всякой несхожести. Девушка заявляет прямо: она «ненавидит негатив». И когда она это говорит, она, подобно камню Спинозы, убеждена, что это говорит она сама.

Девушка носит маску и признаёт это, чтобы внушить, что у неё ещё есть «истинное лицо», которое она не показывала или не могла показать. Но это «истинное лицо» — ещё одна маска, страшная маска: истинное лицо власти. И в самом деле, когда Девушка «снимает маску», оказывается, что с вами *непосредственно* говорит Империя.

«...а что если бы всех парней на планете уничтожили? Зачем пытаться сделать новое из старого? Меня тошнит от парней, пошли они все вон и венником им под зад! Не стоит так горячиться, исторически и генетически время мужчины прошло. Он в одиночестве движется на выход».

Каждая Девушка сама по себе это небольшое предприятие по очистке.

Взятые вместе, Девушки представляют наиболее опасный род войск, которым в данный момент общество действует против всякого разнообразия, против любого намёка на отступничество. Параллельно, в лю-

бой момент времени они являются самым передовым аванпостом Бюро власти, её омерзительного внимания и всеобщего кибернетического умиротворения.

С точки зрения кулинарии для Девушки всякая вещь и всякое существо, всё органическое и неорганическое, предстаёт как доступное к получению в собственности, или, как минимум, к потреблению. Всё, что Девушка видит, она превращает в товар, просто видя это. Поэтому она является аванпостом бесконечного наступления Спектакля.

Девушка — это небытие, используемое обществом, чтобы сдерживать содержательность НЕБЫТИЯ.

Девушка не любит войну, она ею занимается.

Девушка — это высшая степень рабства, на которой достигнуто *молчание* рабов.

Недостаточно констатировать, что Девушка говорит на языке Спектакля, следует также отметить, что это — единственный язык, который она понимает, и потому принуждает к этому всех, кто гнушается на нём разговаривать.

Семиократические власти, требующие всё более и более строго *эстетического* приятия их мира, льстят себе тем, что отныне способны выдать за «красоту» всё, что им вздумается. Но эта «красота» лишь социально контролируемое желаемое.

«УСТАЛА ОТ ПАРНЕЙ? ЗАВЕДИ ЩЕНКА! Сколько тебе лет!? 18, 20? Ты начинаешь занятия в университете, которые предстоят быть долгими и трудными? Тебе кажется, что это — подходящий момент, чтобы замедлить этот чудесный взлёт ради отчаянного поиска любви с парнем, который, в конечном счёте, не способен дать тебе ничего? Или ещё хуже! Ты свяжешься

с компаньоном, отнюдь не идеальным, не особо милым и отнюдь не всегда чистым...»

Девушка пропагандирует соответствие всем скоротечным стандартам Спектакля и сама является *образцом* подобного соответствия.

Подобно всему, достигнутому символической гегемонии, Девушка прокликает как *варварство* всякое физическое насилие, направленное против её амбиций по всеобщему умиротворению общества. Девушка и власть разделяют одержимость безопасностью.

Характер военной машины, который столь явно заметен во всей Девушке, проявляется из-за того, что она ведёт свою жизнь так же, как она ведёт свою войну. Но, с другой стороны, её вакуумная пустота уже указывает на её грядущую милитаризацию. Она более не защищает лишь свою личную монополию на желание, но в целом состояние общественного отчуждённого разъярения желаний.

Люди заточены в Спектакле отнюдь не из-за их «инстинктивных влечений», но из-за законов желанности, вписанных общественным мнением прямо в их плоть.

Девушка объявила войну микробам.

Девушка объявила войну азарту.

Девушка объявила войну чувствам.

Девушка объявила войну времени.

Девушка объявила войну жиру.

Девушка объявила войну неясности.

Девушка объявила войну тревоге.

Девушка объявила войну тишине.

Девушка объявила войну политике.

И, в конце концов, ДЕВУШКА ОБЪЯВИЛА ВОЙНУ ВОЙНЕ.

VIII. Девушка против коммунизма

Девушка приватизирует всё, воспринимаемое ею. Таким образом, для неё философ является не философом, но экстравагантным эротическим объектом, так же, как для неё революционер является не революционером, но сказочным сокровищем.

Девушка — это потребительский товар, механизм поддержания порядка, производитель замысловатых товаров, оригинальный пропагандист кодов Спектакля, авангард отчуждения; а также она является развлечением.

Когда Девушка говорит жизни «да», она выражает этим лишь скрытую ненависть по отношению ко всему, что превосходит время.

Когда Девушка говорит о сообществе, она всегда, в конечном счёте, думает о конкретном роде, или даже обо всём живом. Никогда о конкретном сообществе: она была бы непременно из него исключена.

Даже когда она верит, что вкладывает всё своё «Я» в отношения, Девушка ошибается, поскольку ей не удаётся вложить туда ещё и своё Ничто. Отсюда её неудовлетворение. Отсюда её «друзья».

Поскольку Девушка смотрит на мир глазами товара, она видит в людях лишь то, на что они похожи. С другой стороны, она считает наиболее личным то, что в ней является наиболее общим: половой акт.

Девушка хочет быть любимой за то, какая она есть, то есть за то, что её изолирует. Вот почему она всегда выдерживает *выверенную дистанцию*.

Девушка заключает в себе самой небытие, парадокс и трагедию видимости.

Девушка является основным распространителем социально-рыночного дарвинизма.

Постоянное стремление к совокуплению является проявлением дурной субстанциональности. Его истину следует искать не в «желании», «гедонизме», «сексуальном инстинкте» или каком-либо экзистенциальном содержании, которые Блум столь явно опустошил от смысла, но, скорее, в неистовом поиске какой-либо связи со ставшей недоступной социальной тотальностью. Речь в данном случае идёт о придании себе чувства *причастности* путём осуществления наиболее обезличенной деятельности, той, которая наиболее тесно связана с воспроизводством рода. По этой причине Девушка является самым распространённым и популярным объектом этого стремления, поскольку она является *инкарнацией Спектакля*, или, как минимум, стремится к этому званию.

По мнению Девушки, вопрос *итоговых целей* всегда был излишним.

В целом, все дурные субстанциональности пользуются инстинктивной благосклонностью Девушки. Некоторым, безусловно, отдаётся предпочтение. Также и со всеми псевдоидентичностями, которые могут извлекать пользу из «биологических» факторов (возраст, пол, объём талии, раса, пропорции тела, здоровье и т. д.).

Девушка добивается неразрывной близости со всем, что разделяет её физиологию. Её функция, таким об-

разом, заключается в поддержании умирающего пламени всех иллюзий непосредственности, на которые впоследствии собирается опереться Биовласть.

Девушка — это термит «материального», марафонец «повседневного». Господство сделало её привилегированной носительницей идеологии «конкретного». Девушке недостаточно сходить с ума от «несложного», от «простого» и от «пережитого»; она также считает, что «абстрактное», «замороженное» является злом, которое было бы разумным искоренить. Но то, что она называет «конкретным», является само по себе, в своей непримиримой односторонности, наиболее абстрактной вещью. Вот щит из увядших цветов, за которым выступает то, для чего она была задумана: жёсткое отрицание метафизики. На то, что её превосходит, у Девушки не просто зуб, но целая пасть бешеной собаки. Её ненависть ко всему великому, ко всему, что не находится в пределах досягаемости потребителя, неизмерима.

В Девушке есть достаточно «реального», чтобы не уступать метафизическому чувству своего небытия.

«Зло — это то, что отвлекает» (Кафка).

«Любовь к жизни», которой Девушка столь гордится, в действительности является не чем иным, как ненавистью к опасности. Следовательно, она публично признаёт свою решимость поддерживать отношение непосредственности с тем, что она называет «жизнью», и что, следует уточнить, подразумевает исключительно «жизнь в Спектакле».

Среди всех апорий, вычурное скопление которых образует западную метафизику, наиболее стойкой кажется устройство сферы «голой жизни» — путём

отречения. Как будто по ту сторону от квалифицированного, тактичного и презентабельного человеческого существования есть полностью презренная, невнятная и невыразимая сфера «голой жизни»; воспроизводство, домашнее хозяйство, поддержание жизненных сил, гетеросексуальное *спаривание* или кормление — все вещи, которые общество сколь возможно сильно связывает с «женской идентичностью», сливаются в это болото. Девушки лишь поменяли знаки в уравнении, которое они оставили неизменным. Таким образом они вообразили себя очень любопытным видом общности, которую в обществе должны были бы назвать «существование ради жизни», если бы общество знало, что большая часть западной метафизики была впоследствии идентифицирована как «существование ради смерти». Вообразили настолько хорошо, что Девушки оказались убеждёнными в том, что в глубине своих сущностей они объединены физиологией, повседневностью, психологией, интимными сплетнями и обществом. Повторяющиеся неудачи их любовей, как и их дружб, не кажутся способными ни открыть им глаза, ни заставить их увидеть, что именно это их и разделяет.

Девушка противопоставляет ограниченности кишение своих органов. Одиночеству — непрерывность живого. И трагедии разоблачения — что хорошо быть замеченной.

Подобно устанавливающим их существам, завязывающиеся в Спектакле отношения лишены содержания и смысла; и если бы недостаток смысла, столь очевидный на всём протяжении жизни Девушки, делал её бессмысленной, но нет, он лишь оставляет её в её

нормальном состоянии окончательного абсурда. Их создание не предопределено неким реальным применением (собственно говоря, Девушкам нечего *делать* вместе) или склонностью, пусть даже безответной, одного к другому (даже их собственные склонности определяются не ими), но единственной символической полезностью, которая делает из каждого партнёра *символ счастья* другого; райская завершённость, неустанное переопределение которой является миссией Спектакля.

Совершенно естественно, что становясь аргументом Всеобщей Мобилизации, соблазнение приняло форму собеседования при приёме на работу, а «любовь» — своеобразной совместной занятости в частном секторе, на неопределённый срок для избранных счастливиц.

«Не бери в голову!»

Никакая измена не наказывается Девушкой так строго, как измена Девушки, покинувшей Армию Девушек или намеревающейся от неё освободиться.

Основное занятие Девушки заключается не только в разделении «профессионального» и «персонального», «общественного» и «частного», «чувственного» и «полезного», «разумного» и «бредового», «повседневного» и «исключительного» и т. д., но, главным образом, в воплощении в своей «жизни» этого разделения.

Девушка может долго говорить о смерти, но в итоге она неизменно заключит, что, в конце концов, «это жизнь».

Девушка «любит жизнь», что следует понимать как то, что она ненавидит всякую *форму жизни*.

Девушка подобна всему, что говорит о «любви» в обществе, которое приложило все усилия, чтобы сделать любовь окончательно невозможной: она врёт на пользу власти.

«Юность» Девушки обозначает лишь некоторое упорство в отрицании смертности.

Задница Девушки — это глобальная деревня.

Когда она говорит о «мире» или о «счастье», лицо Девушки — это лицо смерти. Девушке не свойственна негативность духа, ей свойственна негативность бездеятельности.

Девушка обладает особой связью с голой жизнью во всех её *формах*.

Девушка полностью переписала список смертных грехов. На первой строчке она вывела каллиграфическим почерком: «Одиночество».

Девушка с головой погружена в имманентность.

IX. Девушка против себя самой: Девушка как невозможность

То, что Спектакль окончательно реализовал абсурдную метафизическую концепцию, в соответствии с которой всё на свете происходит из его Идеи и никак иначе — лишь поверхностный взгляд. На примере Девушки мы видим, как достигается реальность, которая кажется сугубой материализацией своего концепта: отсечением её от всего, что делает её уникальной, до тех пор, пока она не становится похожей в своей *убогости* на эту идею.

Человеческое своеобразие в мире товара неустанно преследует Девушку и представляет для неё главную угрозу; «эта угроза фактически может сочетаться с полной уверенностью и беспроблемностью повседневной озабоченности» (Хайдеггер). Эта тревога, являющаяся основной манерой существования тех, кто не может больше *населять* этот мир, является главной, универсальной и *скрытой* истиной эпохи Девушки, равно как и самой Девушки; скрытой, поскольку наиболее часто она прячет у себя дома от глаз посторонних наблюдателей тот факт, что она без конца рыдает. Для терзаемой небытием эта тревога — другое название для одиночества, безмолвия и утаивания, являющихся её метафизическим состоянием, к достижению которого она приложила столько усилий.

У Девушки, как и у остальных Блумов, жажда развлечения основывается на страхе.

Иногда Девушка — это голая жизнь, а иногда — одетая в униформу смерть. В действительности Девушка *всегда* вмещает в себя их обеих.

Девушка замкнута на себе самой; сначала это очаровывает, а потом начинает раздражать.

Анорексию можно интерпретировать как фанатизм в отчуждённости, который перед лицом невозможности какого-либо метафизического участия в мире товара ищет доступ к *физическому* участию в нём, разумеется, неудачно.

«Духовность — наша новая потребность? Потаённый мистик внутри каждого из нас?»

Интерес — это единственный видимый мотив поведения Девушки. Продавая себя, она стремится избавиться от себя или хотя бы почувствовать, что её приобрели. Но этого никогда не случается.

Анорексия выражает среди женщин ту же апорию, которая проявляется среди мужчин в форме стремления к власти: желание господства. Но вследствие более строгой культурной патриархальной кодификации для женщин, анорексичка переносит на своё тело желание господства, которое она не может применить к остальному миру. Эпидемия, аналогичная той, которую мы наблюдаем в наши дни среди Девушек, проявлялась в середине Средних Веков среди святых. Точно так же, как анорексичная Девушка противопоставляет миру, желающему редуцировать её саму до её тела, своё господство над своим телом, святые дамы противопоставляли патриархальному посредничеству церкви своё прямое общение с Богом, а зависимости,

в которой общество хотело их удержать, — свою радикальную независимость от мира. В святой анорексии «уничтожение физических потребностей и жизненных ощущений — усталости, сексуального влечения, голода, боли — позволяли телу осуществлять героические подвиги, а душе — общаться с Богом» (Рудольф Белл, Святая анорексия). В наши дни, когда медицинский персонал исполняет роль церкви и в патриархальном мироустройстве, и у кровати анорексической Девушки, процент выздоровевших от того, что общество быстро провозгласило «нервной анорексией», по-прежнему остаётся исключительно низким, несмотря на довольно-таки значительное упорство терапевтов по всему миру; уровень смертности опустился лишь в некоторых странах ниже 15 %. Дело в том, что смерть от анорексии, будь она святой или «нервной», провозглашает окончательную победу и над телом, и над миром. Как и в экстазе доведённой до конца голодовки, Девушка обнаруживает в смерти высшее подтверждение её отрешения и её чистоты. «Анорексички сражаются против того факта, что они были обращены в рабство, эксплуатируются и ведут жизнь не по своему выбору. Они предпочитают голодать, а не продолжать жить компромиссами. В этом слепом поиске своей идентичности и собственных чувств они не принимают ничего, что их родители или мир вокруг них могут им предложить... в нервной анорексии, настоящей или специфической, пациенты в первую очередь хотят бороться за то, чтобы получить господство над самими собой, их личностью, стать деятельными и энергичными» (Брух, Глаза и живот). «На самом деле, — заключает послесловие к “Святой анорексии”, —

анорексия может служить прообразом трагической карикатуры на женщину, свободную от предрассудков и независимую, но неспособную к близким отношениям, движимую идеей власти и господства».

Существует объективность Девушки, но это фиктивная объективность. Она является не чем иным, как противоречием, недвижно застывшим, подобно надгробному камню.

Вне зависимости от её слов, Девушке отказано отнюдь не в праве на счастье, но в праве на несчастье.

Как бы ни была счастлива Девушка в каждой из отдельных сфер собственного существования (работа, любовь, секс, отдых, здоровье и т. д.), она должна оставаться несчастной по сути, *как раз потому, что все эти сферы являются отдельными друг от друга*. Несчастье является основной тональностью существования Девушки. Это хорошо. Несчастье заставляет потреблять.

Страдание и несчастье, присущие Девушке, демонстрируют невозможность конца истории: когда люди довольствовались бы существованием в качестве наиболее умных из живых существ, отказались от всякого дискурсивного сознания, всякого стремления к признанию, всякой реализации их негативности; одним словом, невозможность *american way of life*.

Когда Девушка слышит о негативности, она звонит своему психологу. Впрочем, у неё есть самые разные слова, чтобы не говорить о метафизике, когда метафизике хватает дурного вкуса, чтобы быть слышимой слишком явно: «психосоматический» — одно из них.

Подобно манекену, которым она непременно, в тот или иной момент, мечтает стать, Девушка стремится

к общей невыразительности, экстатическому отсутствию; но образ искажается во время воплощения, и Девушка способна лишь выражать небытие, живущее, суетящееся и сочащееся небытие, влажное небытие, пока её не вырвет.

Киборг является высшей и иммунодефицитной стадией Девушки.

Девушка оказывается в депрессии, поскольку она хочет быть вещью, *как и все остальные*, то есть как все остальные *видятся ей снаружи*, и ей это не удаётся; поскольку ей хочется быть знаком и беспрепятственно циркулировать внутри гигантского семиократического метаболизма.

Вся жизнь Девушки совпадает с тем, о чём она хотела бы забыть.

Кажущаяся самостоятельность Девушки также является абсолютной уязвимостью отдельного индивидуума, слабостью и одиночеством, которые пытаются повсюду искать убежище, охрану и защиту, но нигде не могут их найти. Это потому, что Девушка непрерывно живёт, «следуя за собой», то есть в *страхе*.

Девушка представляет для нас подлинную *загадку счастливого рабства*, в которую мы не можем поверить. Тайна радостных рабов.

Погоня за счастьем резюмирует несчастье Девушки — и в качестве его результата, и в качестве его *причины*. Одержимость Девушки своим внешним видом выражает жажду сущности, которая не может найти места, чтобы излиться.

Вся элегантность Девушки никогда не способна заставить забыть о её неустранимой пошлости.

«Всё красивое, всё органическое!»

Девушка хочет *лучшего из всего мира*, как жаль, что «лучший из миров» *недоступен*.

Девушка мечтает о теле, которое было бы полностью прозрачным в огнях Спектакля. В целом, она не желает быть чем-то бóльшим, чем мнение общества о ней.

Фригидность является истиной нимфомании, импотенция — донжуанства, анорексия — булимии.

В Спектакле, где видимость счастья выступает также в качестве *непременного* условия счастья как такового, на обязанности имитировать счастье основываются формулы всех страданий.

Полупрозрачное небытие Девушки свидетельствует о ложной трансцендентности, которую она воплощает.

Девушка наглядно свидетельствует о том, что не бывает красивой внешности без чрезмерных усилий.

Девушка — это эмблема экзистенциальной тревоги, которая выражается в бесосновательном чувстве постоянной опасности.

Спектакль не против поговорить о нищете сексуальности, чтобы заклеить неспособность людей обмениваться самими собой подобно идеальным товарам. Это правда, что непоколебимое несовершенство рынка обольщения является причиной для беспокойства.

Анорексичка презирает вещи этого мира единственным способом, который может сделать её более презренной, чем они.

Как и многие другие наши несчастные современники, Девушка приняла западную метафизику вплоть до её апорий. И она безуспешно пытается придать им *форму* в виде голой жизни.

Крайнее распространение мужской импотенции, женской фригидности или вагинальной сухости может быть непосредственно понято как противоречие капитализма.

Анорексия выражает в товарной сфере наиболее невоздержанное отвращение к ней как к пошлости всякого богатства. Все телесные проявления Девушки выражают неудержимое желание отменить материю и время. Девушка — это бездушное тело, которое мечтает быть бестелесной душой.

«Анорексия Катерины Сиенской была следствием её желания укротить потребности её тела, которые казались ей омерзительными преградами на пути к достижению святости» (Рудольф Белл, Святая анорексия).

Анорексию следует рассматривать как нечто большее, чем модную патологию: как желание освободить себя от тела, полностью заполненного символическим товаром, свести к нулю физическую объективность, которой Девушка полностью лишена. Но в конце концов это приводит лишь к созданию нового тела из отрицания тела.

И в анорексии Девушки, и в аскетическом идеале присутствует одинаковая ненависть к плоти, и фанатичное стремление намеренно сделать из себя безупречное тело: скелет.

Девушка подвержена тому, что можно было бы назвать «комплексом ангела»: она стремится к совершенству, которое состоит в *бестелесном* создании. На дисплее своих весов она может прочитать односторонность товарной метафизики.

Анорексичка по-своему ищет абсолют, то есть она ищет худший из абсолютов худшим из способов.

Желание Блума и, соответственно, Девушки связано не с телами, а с сущностями.

Абсолютная уязвимость Девушки подобна уязвимости торговца, чей товар может быть украден любой неподконтрольной силой.

Девушка — это «метафизическое» создание в искажённом, современном смысле слова. Она бы не подвергала своё тело подобным испытаниям, столь жёстким покаяниям, если бы не боролась с ним как с демоном, если бы она не хотела подчинить его *форме*, идеалу, мёртвому совершенству абстракции. Разумеется, эта метафизика в итоге является лишь ненавистью к физическому, понимаемому как нечто попросту худшее, чем метафизическое.

«Что бы надеть из органического?»

Девушка является последней попыткой товара пре-взойти самого себя, которая позорно провалилась.

Х. Покончить с Девушкой

Девушка — это реальность столь же массивная и хрупкая, сколь и Спектакль.

Как и все переходные формы, Девушка — это оксюморон. Она также является первым случаем аскетизма без идеала, материалистического раскаяния.

Трусливо преданные желаниям Девушки, мы научились презирать её, повинуюсь ей.

Современная нищета сексуальности никак не соотносится с той, что была в прошлом, потому что сейчас тела без желания сгорают изнутри, поскольку они не в состоянии удовлетворить желания, которых у них нет.

В ходе своего метастатического развития соблазнение перестало быть интенсивным, чтобы стать экстенсивным. Никогда любовный дискурс не был настолько жалок, как в момент, когда весь мир чувствует своей обязанностью воспевать и обсуждать его.

Девушка не выглядит как труп (такое впечатление может сложиться после чтения передовых женских журналов), она выглядит как сама смерть.

Каждый пытается продать себя, но ни у кого не получается сделать это убедительно.

Вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, насильник борется не с женщиной или мужчи-

ной, но *сексуальностью как таковой*, как с контролирующим органом.

До повсеместного распространения обнажённое тело Девушки ещё было способно производить ощущение искренности. Сейчас совершенно впустую эту силу ищут у всё более *юных* тел.

Очарование, которого мы больше не находим в Девушке, даёт точную меру того, что нам уже удалось уничтожить в ней.

Задача заключается не в освобождении Девушки, а в освобождении *от* Девушки.

В некоторых крайних случаях мы можем увидеть, как Девушка поворачивает небытие, которым она наполнена, против произведшего её мира. Подлинная пустота её формы, её глубокая враждебность к абсолютно всему существующему, сжимаются во взрывчатые сгустки негативности. Ей придётся уничтожить всё, что её окружает. Ширящаяся пустыня внутри неё разжигает её желание привести каждый уголок Империи в такое же запустение. «*Дайте мне бомбу, я должен умереть*», — ликовал русский нигилист прошлого столетия, прося возможности участвовать в покушении на князя Сергея.

Десубъективация Девушки, как и облечённого властью человека (которому Девушка как минимум полностью соответствует в тех случаях, когда они не являются одной личностью), не может избежать краха, разрушения *изнутри*. Высота падения будет лишь мерой ширящейся пропасти между полнотой социального бытия и рахитичностью бытия единичного, а точнее — мерой убогости отношения к себе. Но

в ничтожности одного заключена вся *сила*, недостающая для совершенства другого.

«Но мне также предстояло разрушить тот ореол, которым мужчины стремятся окружить этот другой образ женщины — девушку, кажущуюся безразличной к телесности и лишённую всякой чувственности — продемонстрировав, что она полностью соответствует типу матери, и что девственность как таковая по определению ей столь же чужда, как и проститутке. И как показал дальнейший анализ, материнская любовь не связана ни с какой нравственной заслугой» (Отто Вейнингер, Пол и характер).

Было не так уж много эпох, столь же сильно возбуждённых желаниями, но так же редко в прошлом желания были настолько *пустыми*.

Девушка напоминает монументальность архитектуры эпохи Платона, покрывшейся временем, рождающей мимолётное ощущение вечности, поскольку она уже рушится. Иногда она рождает мысли о чём-то другом, но непременно о трущобах.

«Я мог бы уничтожить современные вкусы студентки, внося в них посторонние, чужеродные элементы, смешивая их со всем подряд» (Гомбрович, Фердидурка).

При кажущемся хаосе желаний казарменный Вавилон безраздельно *управляется корыстью*. Но корысть как таковая является лишь вторичной реальностью, не имеющей никаких оснований в себе самой, но лишь в желании желания, находящемся в основании всей *отсутствующей* жизни.

Изменения в образе Девушки симметрично следуют за эволюцией капиталистического способа произ-

водства. Так, за последние тридцать лет мы постепенно продвинулись от фордистского типа соблазнения, с его чётко обозначенными связями и мгновениями, его статической и протобуржуазной формой пары, к постфордистскому типу соблазнения, расплывённому, гибкому, неустойчивому и деритуализированному, распространившему организацию пар на тотальность тел, социального пространства и времени. На этой особо передовой стадии Тотальной Мобилизации каждый призван сохранять свою «силу соблазнения», которая заменила «рабочую силу», и таким образом, каждый может в любой момент быть уволен и в любой момент обратно нанят на рынке секса.

Девушка умерщвляет свою плоть, чтобы отомстить за Биовласть и символическое насилие, которым её подвергает Спектакль.

Сложности, демонстрируемые ею всё более и более явно, с учётом её прошлой несокрушимой позитивности раскрывают удовольствие от секса как наиболее метафизическое из всех физических удовольствий.

«Кто-то публикует элегантные, модные, “трендовые” журналы. Мы же создали здоровый, свежий, насыщенный кислородом, наполненный синим небом и зелёными полями журнал; журнал, который более реален, чем сама природа».

Девушка является полностью созданной, по этой причине она также может быть полностью разрушена.

Только в страдании Девушка бывает дружелюбна. Очевидно, существует субверсивная сила травмы.

Успех миметической логики, приведший Девушку к триумфу, нёс в себе неизбежность своего затухания.

И в итоге именно инфляция Девушек наиболее серьёзно подорвала эффективность каждой из них.

Теория Девушки является частью формирования точки зрения, способной ненавидеть Спектакль везде, где он прячется, то есть везде, где он проявляется.

Кто, кроме последнего глупца, может быть до сих пор всерьёз тронут «хитростью, уловками, которыми он мог проникнуть в сердце Девушки, властью, которую он мог взять над ней, одним словом, чарующим, расчётливым и методическим характером соблазнения» (Кьеркьегор)?

Везде, где не любят товар, не любят и Девушку.

Распространение отношений соблазнения на все виды социальной деятельности обозначает также отмирание в нём всего оставшегося живого. Распространение имитирования также делает его всё более и более явно невозможным. И сейчас момент великого несчастья, когда улицы заполнены жуирами без сердца, соблазнителями, скорбящими о всяком соблазнении, трупами желаний, с которыми никто не знает, что делать.

Это будет физическим феноменом, как исчезновение ауры. Как будто электризация тел, порождённая столь сильным разделением, начинает выражать себя, пока не исчезнет. Возникнет новая близость и новые дистанции.

Полное опустошение желания будет знаком конца товарного общества, как и всего *общества* в целом.

Опустошённый ландшафт эроса.

«Как общее правило, социальный прогресс и изменения в исторических эпохах происходят в связи с движением женщин к свободе» (Фурье).

Когда все уловки Девушки исчерпаны, у неё остаётся последняя из них — отказываться от уловок. Но это *действительно* последняя.

Сделавшись троянским конём планетарной власти, желание очистилось от всего домашнего, частного, скрытого от посторонних глаз, что его окружало. Предпосылкой к тоталитарному переопределению желанного была в действительности его автономизация от всякого реального объекта, от всякого конкретного содержания. Научившись применяться к сущностям, оно невольно стало абсолютным желанием, желанием абсолюта, которое ничто земное не способно утолить. Эта неудовлетворённость является центральным рычагом потребления, так же как и его ниспровержения.

Обобществление тел несложно предвидеть.

Разве ежедневное появление Девушки ещё происходит не по разнарядке?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предисловие 1999 года*

Р

За пределами традиционно многочисленных мест, где ему приходится вести открытую войну, господство (в его наиболее прогрессивных формах) предпочитает воздерживаться от применения грубой силы. Ему удалось настолько усовершенствовать свои методы, что у него самого получилось достичь относительной невидимости. Таким образом, вражеский отряд присутствует повсюду, как отряд оккупантов, но в таком качестве он неизвестен, поскольку не был назван. Тем не менее столь большую территорию невозможно удерживать без широкомасштабного развёртывания войск, техники и агентурной сети. В этих условиях некоторые торопятся заявить, что мы сильно опоздали с критикой господства, поскольку нигде нет ни провозглашённого хозяина, ни, скажем так, видимой тирании. И это в действительности одна из наиболее заметных особенностей мира авторитарного товара — что концентрированная сила полиции была разделена и распылена в виде мельчайших частиц, которые нашли своё новое пристанище во взглядах, действиях, мыс-

* Предисловие к оригинальной публикации текста «Теории Девушки» в первом выпуске журнала «Тиккун»: *Premiers matériaux pour une théorie de la Jeune-Fille // Tiqqun. 1999. № 1. P. 94–96.*

лях, разговорах и даже, в некотором смысле, в органах. Эта метаморфоза не является случайным следствием триумфа товара, но простым развитием того, чем товар является *по сути*, от доступа к чему отгородился Маркс. Поскольку он анализирует овеществление как искажение отношений между людьми в отношении между вещами, он оставляет несформулированным итоговый смысл этого искажения: *сокрытие политики*, и, в первую очередь, товара как такового, в качестве *политического устройства*. Но поскольку это сокрытие само по себе также является политическим, всемирное распространение товара является не чем иным, как *всемирным распространением политики* путём её всеобщего утаивания. Девушка представляет собой основной вид этого распространения. Девушка — это современный образ власти. Настоящая критика, губительные последствия которой будут наиболее бесповоротными и наиболее скорыми, должна начинаться с очерчивания контуров базовой формы угнетения.

Вообще, невозможно объяснить сочетание предельной власти и предельной уязвимости, характерные для господства Спектакля, не определив изначально, что оно осуществляется не непосредственно на самих людях, но на том, что находится *между ними*, над их общим миром, над Рекламой. «Общество человечно лишь как ансамбль Желаний, взаимно желающих друг друга в качестве Желаний» (Кожев). Спектакль — это тираническая монополия на всё человеческое, что есть в обществе. Это непосредственный захват состояния выражения Желаний, вооружённая оккупация территории, принадлежавшей этому «ансамблю Желаний,

взаимно желающих друг друга в качестве Желаний», антропогенному Желанию признания: сознание — то Я, которое присутствует в Нас, то Мы, которое присутствует во Мне. Отчуждение Рекламы предстаёт в качестве *политической* сущности контроля над *каждым*. Рыночное господство, в своей финальной стадии, движется по своему изначальному плану туда, где стало совершенно напрасным пытаться различить относящееся к чувственному от принадлежащего к сверхчувственному, туда, где в глубине каждого из них обнаруживается другой — на метафизический уровень.

Т

Весь революционный характер критики содержится в её способности придать опыту форму Гештальтов. Лишь тогда можно будет увидеть истинную глубину того, что есть. В свете Гештальта мир как таковой предстаёт сценой, на которой развиваются Гештальты в их взаимоотношениях между собой. Гештальт не имеет смысла в имманентности истории и не порождается ею. Он предыдущий и последующий по отношению ко времени. «Гештальт *есть*, и никакое развитие не увеличивает его и не уменьшает» (Юнгер). Для каждой эпохи может быть выявлено несколько Гештальтов, которые будут более реальными, чем она сама, поскольку они превьсят все её проявления и не только охватят видимое, но, более того, сосредоточат в себе всё множество возможного, переполняющее эту эпоху. Каждый Гештальт охватывает конкретную область Бытия во всех её противоречивых обликах, придавая ей характер *целостности* и *единства*. Гештальт нахо-

дится по ту сторону от того, что он обозначает, там, где единство способа разоблачения и разоблачаемого объекта, осуществляемое Гештальтом *во времени*, всегда уже осуществлено. В социально-исторической сфере нет никакой каузальности, но лишь Гештальты, которые становятся эффективными и которые перестают таковыми быть. Гештальт — это *ens realissimum*, реальнейшее сущее. Он является истинной метафизической силой.

У

Между образом Девушки и женщинами или молодёжью нет *никакого* метафизического родства, исключительно *историческое*. Девушка не соответствует ни конкретной категории индивидуумов, ни конкретному типу абстракций, сколь реальными они бы не были. Таким образом, разделённые, они являются двумя объектами, одинаково лишёнными онтологического значения. Девушка не означает ни определённую форму Спектакля, ни Блума, который стремится её осуществить, но их взаимные объятия, добровольные или принудительные. Девушка — это *стремление* к единству конкретного способа разоблачения и объекта, который он разоблачает. В Девушке, однако, их единство строится не на принципе равенства. Форма проявления в данном случае *действительно* главенствует над тем, что проявляется, так же как метафизика *действительно*, и не только логически, предшествует физике. Таким образом, внутри товарной Рекламы, другими словами, в состоянии выражения полностью отчуждённых Желаний, всё, что отличает Блума от Девушки, образует *объективный недостаток, уродство*.

Разоблачаемый объект не волен избежать способа его разоблачения: искусственному характеру Девушки не противоречит её отказ от искусственности, поскольку этот отказ тоже искусственный. Из этого проистекает важное следствие: подобно тому как отнюдь не биологический детерминизм обрекает всё множество наполненных зародышевыми клетками двуногих в возрасте от двенадцати до двадцати пяти лет на мучения Девушки, это происходит лишь благодаря тотальному отчуждению Рекламы, то есть благодаря конкретной организации социальных отношений; так же ничто не мешает шестидесятипятилетнему полупокеру мужского пола являться отличной Девушкой. В свете образа Девушки возрастные различия, так же как и половые, являются несущественными. Таким образом, Девушка не была в один момент отчуждена Спектаклем от самой себя, наоборот, это *общество* ежесекундно работает над этим отчуждением и его актуализацией. Поскольку «*то, что люди скажут*», является истинным мотивом, движущим Девушкой, не существует никакого индивидуального освобождения от образа Девушки. То, что частный индивидуум отвергает Девушку даже публично, никоим образом не освобождает его от неё. Теория Девушки должна быть приведена в действие совместными усилиями.

Но так же как неизбежный крах содержится в самой сущности рыночного общества, невозможность Девушки является *частью* её концепта. Рыночный способ разоблачения характеризуется тем, что способ разоблачения и разоблачаемый объект предстают разделёнными. Потому всё, что он может вызывать к существованию, — это *вещи*, и он превращает в вещи

всё, что он вызывает к существованию. Его действие заключается в том, чтобы *сковывать* мир. Человеческое устанавливает нерушимую границу от этого окаменения. Спектакль не может разоблачить её, не отрицая себя. Объятия, субъектом и объектом которых является Девушка, определяются этим как невозможность, как *боль*. Поэтому о Девушке можно сказать, что она страдает и что она страдает *как образ*.

Того, что Девушка ощущает свою форму как простое страдание, достаточно, чтобы показать, что образ Девушки сам по себе *плох*.

ТЬ

Естественно, люди ничему не противостоят столь же упорно, как восприятию Девушки в качестве *образа*. Её готовы признать прототипом человечества, полностью переформатированного Спектаклем, или наиболее ужасающим продуктом рыночного общества в его терминальной стадии, или, более сдержанно, перекрёстком всех отчуждений. Они готовы даже дойти до того, чтобы стенать об её идентичности, заключающейся в *самоистязании*, когда существо непрерывно и бесцельно калечится своим метафизическим измерением. Но люди, само собой, откажутся признать её чем-либо бóльшим, нежели типом человека, нежели новым и немного эксцентричным объектом антропологии. Они изо всех сил отрицают ужасающую *уверенность* этого чертежа существа, сотканного исключительно из действующих условностей, правил и представлений. Поскольку иначе им пришлось бы признать, что за этой фигурой стоит вся отчуждённая человеческая сила, все неопровержимые доказательства господ-

ствующих объяснений, что каждое из её суждений имеет повелительную силу всей организации общества в целом. Некоторые предпочитают представлять людей независимыми от их условий существования и от значения их для их мира. Никогда не будет позволено говорить о Девушке как об *общей* категории общественного бытия, которая в нашем историческом периоде придаёт свой облик всем проявлениям жизни. Поскольку Девушка — это не простой распорядок поведения, но метафизический Гештальт, который, разоблачая себя, разоблачает мир. Одновременно с тем как она предстаёт человеческим в его рыночной форме проявления, она также является тем, кто приводит абсолютно всё к этой форме. Под её действием давно устаревшие антиномии (господство и рабство, работа и праздность, приключения и повседневность, политика и экономика, болезнь и здоровье, человеческое существо и товар, тело и дух и т. д.) заново обретают утраченные ими силу и значение. Но новая молодость этих давно уже ставших недействительными оппозиций не продлится долго. Потому что в момент возникновения теории Девушки Девушка уже преодолена, по меньшей мере, в её основном и грубо софистическом аспекте серийного производства. Исключительно победа или поражение *практики* Воображаемой Партии может указать, идёт ли речь об эволюции Девушки, связанной с банальным устареванием фордистской модели, или с завершением самой Девушки.

В качестве повседневной реальности Девушка предстаёт на первый взгляд чем-то тривиальным и понятным само по себе. Однако это не так. Наш анализ демонстрирует, что, наоборот, это вещь очень сложная,

полная метафизических нюансов и теологических уловок. Следующая за этим россыпь фрагментов не образует сколь-либо организованной теоретической конструкции. Основная уловка теоретиков заключается в презентации результатов их работы в таком виде, что *ход рабочего процесса* не обнаруживается. Процесс имеет свои причины и мотивы. Безусловно, тем, кто стремится к истинной критике повседневной жизни, ничто до сих пор не служило столь хорошо, как сглаживание следов резца. Однако в других условиях эта сила уменьшается, *представление* теории в её исходном виде и в её несовершенстве в данном случае служит цели многократного увеличения её вредоносности. Таким образом, вы найдёте тут лишь первичные материалы в том виде, в каком они могут предстать без какого-либо соединения, вне всякой связности. Их компоновка по рубрикам была, однако, не совсем случайной. В их последовательности каждый шаг является *нисхождением на уровень*. Разумеется, она начинается с феномена и заканчивается его распадом. Таким образом, каждый этап будет уничтожать предыдущий. Истина — это разрушение.

Краткая история журнала «Тиккун»*

В декабре 1997 г. в Сорбонне вспыхнули студенческие забастовки, в частности, в Высшей нормальной школе на улице Ульм, которая была оккупирована студентами. После этого весной в аудитории кампуса Жюссё ежедневно проводилось общее собрание беспрецедентного характера, на котором абсолютно каждый мог выступить совершенно свободно, однако вход на это собрание был запрещён политическим организациям и их представителям. Очевидно, что непосредственные вопросы университетской жизни участников (числом от 50 до 200 человек в разные дни) практически не интересовали, но, наоборот, темой обсуждения становились все аспекты критики современного общества. Это собрание, представлявшее уникальное событие в своём роде, проводилось на протяжении нескольких месяцев, а затем самораспустилось.

В ходе оккупации Высшей нормальной школы внутри «особого собрания в Жюссё» сформировались группы по интересам. К февралю небольшая дискуссионная группа отделилась от собрания в Жюссё, не покидая его бесповоротно, чтобы собраться раз или

* Этот материал и следующий за ним подготовлены одним из участников группы «Тиккун» специально для настоящего издания.

два в неделю в одном из кафе XX округа Парижа. Затем достаточно быстро сформировалось ядро этой группы из семи человек (Жюльен Б., Фульвия К., Жюльен К., Ким А., Стефан Х., Реми Р., Жоэль Г.), которые вывели качество дискуссии на более высокий теоретический уровень. Участники, почти все обладающие обширными познаниями и хорошим образованием в областях философии и литературы, несмотря на юный возраст большинства из них (самому младшему из них было 19 лет), ориентировались среди прочего на Ситуационистский Интернационал, на дада и сюрреализм, а также на Франкфуртскую школу, на молодого Лукача (автора работ «Душа и формы» и «История и классовое сознание»), на Ханну Арендт («О революции», «Скрытая традиция»), на работы Гершома Шолема по еврейской мистике, и, разумеется, на Вальтера Бенямина. Что касается современной философии, следует отметить сильное влияние работ Джорджо Агамбена («Грядущее сообщество», “*Nomo Sacer*”), с которым был установлен непосредственный контакт, а также интерес к работам Жильбера Симондона, Жиля Делёза, и, разделяемый не всеми, к работам Мишеля Фуко. Модные идеологи вроде Алена Бадью или Славоя Жижека игнорировались, или, точнее, презирались. Достаточно скоро возник вопрос об издании журнала под названием «Тиккун» (“*Tiqqun*”), что было отсылкой к традиции еврейской мистики, в которой понятие «тиккун олам» обозначало исправление испорченного, опустошённого, утратившего гармонию мира. Здесь можно обнаружить мессианскую отсылку, разделяемую Бенямином, но также и всей западной традицией критики, общей для анархизма и социализма

(см. работу Михаэля Леви «Искушение и утопия»). За исключением нескольких коротких текстов («Война, ну что ж» в первом номере и «Что делать?» во втором), которые были плодом коллективного авторства изначально, статьи писались единолично, а впоследствии читались, обсуждались и редактировались всей группой.

Первый номер журнала, составленный в Венеции в декабре 1998 г., был опубликован в феврале 1999 г. В мае 1999 г. Ким А., Жюльен Б., Жюльен К., Фульвия К. и Стефан Х. находятся в Израиле. Они, в частности, посещают Цфат, город, в котором возникла лурианская каббала. Они привозят с собой раритетный экземпляр «Изречения господ» Якова Франка в английском переводе. Первый номер журнала имел настоящий успех среди читателей, открытых к обновлению критической концептуализации, сбив с толку немалое число ископаемых интеллектуалов из среды радикалов. В то же время в группе возникают разногласия. Ким А., Реми Р. и Жюльен Б. от неё отдаляются. Более или менее прогрессивные представители культурных кругов (журналы “Ligne de risque”, “Evidenz” и т. д.) пытались наладить контакт с группой «Тиккун», но эти встречи закончились безрезультатно. В мае 2000 г. к группе присоединяется Лоран Ж., друг Жоэля Г. Он разрабатывает новаторский анализ кибернетизации мира.

Бесконечные аргументированные дискуссии, зачастую весьма ожесточённые, воодушевляли и раскалывали коллектив. Не было и речи об установлении единой политической линии группы. Разногласие воспринималось как движущая сила и обогащающий эле-

мент. Достаточно было базового соглашения о сущности проекта по преодолению существующих условий. Такой подход позволил избежать застоя, которому столь подвержены критикующие современное общество группировки. Таким образом, акцент делался на свободную игру форм жизни и исторические разногласия в свободном обществе. Идея устройства контр-обществ внутри современного общества является прямым следствием концепции Тиккун, которая заключается не в эсхатологическом ожидании будущих потрясений, но требует начала осуществления здесь и сейчас. В отличие от «Великой ночи», Тиккун располагается не в конце времени, но во времени конца.

Подготовка второго номера была сопряжена с рядом сложностей. Этот номер был в большей степени посвящён политическим аспектам с ярко выраженным теоретическим усовершенствованием многих позиций, но менее ведомым энтузиазмом, и, в конечном счёте, менее последовательным, чем предыдущий номер. В июле 2001 г. группа едет в Италию, где принимает участие в демонстрации в Генуе вместе с друзьями из Нью-Йорка, командой кинематографистов. Фильм Джона Келси «Избавься от себя», снятый во время беспорядков, во многом построен на текстах из первого номера журнала «Тиккун», отдельные фразы из которого зачитывает актриса Хлоя Севиньи. В начале сентября 2001 г., сразу после завершения редакционной работы над вторым номером, группа распадается по эмоциональным причинам, возникшим из-за разрыва любовных отношений между двумя протагонистами, но за которыми, как обычно, скрывались более

глубокие разногласия. В конце концов номер был напечатан месяц спустя.

Группа «Тиккун» просуществовала около трёх лет. Были опубликованы два выпуска журнала, которым предшествовало издание ряда памфлетов, полностью воспроизведённых в первом номере. Члены коллектива разошлись в разные стороны. Ким А. присоединился к кибуцу в Израиле, Фульвия К. стала современной художницей, чьи выставки проходят по всему миру, Жюльен Б. работает в театре, Стефан Х. преподаёт немецкий, Реми Р. стал кинорежиссёром, Лоран Ж. преподаёт в Сорбонне, Жоэль Г. продолжает переводить и писать книги, Жюльен К. открыл общинную бакалею на плато Мильваш. Никто, кажется, не посрамил своих прошлых обязательств.

Глоссарий в помощь читателю «Тиккуна»

Биовласть: термин, используемый Мишелем Фуко для обозначения новых форм власти в капиталистическом обществе XIX в. Если раньше Государство сохраняло за собой право наказывать смертью, то сейчас уже оно способно управлять непосредственно условиями жизни людей из соображений контроля (антропометрия и т. д.) и экономической рентабельности (обязательные вакцинации, систематизация медицинского обслуживания рождения и преклонного возраста и т. д.); сейчас биовласть распространяется на всё живое.

Блум: мужское имя, производное от Леопольда Блума, персонажа романа Джеймса Джойса «Улисс», а также от Плюма, персонажа одноимённой книги Анри Мишо, а также от Обломова из романа Гончарова. Фигура обычного современного человека, лишённого экзистенциальной сущности и классовой принадлежности, целенаправленно сокращённая до голой жизни. Из-за всеобщей взаимосвязи между индивидуумами освободиться от блумства невозможно. Можно лишь осознавать его и предпринимать собственные действия, избобличающие его ложь. Поэтому мы не можем оказаться полностью посторонними по отношению к Блуму, но так же, как будучи включёнными в Млеч-

ный Путь и неспособными увидеть его снаружи, мы можем, однако, воссоздать его точную картографию, так и наши позиции на берегах Блума хоть и не позволяют всецело освободиться от него, предоставляют нам возможность дать его чёткое описание без каких-либо уступок.

Воображаемая партия: единство всех тех, кто выражает своими протестными действиями, индивидуальными и коллективными, политизированными и аполитичными, бескомпромиссный отказ от наложенных на них условий. Воображаемая партия может одинаково успешно включать в себя и бунтаря без причины, и революционера по зову сердца.

Всеобщая мобилизация: общая мобилизация с целью вербовки под знамёна товара и причастности к системе.

Голая жизнь: жизнь, рассматриваемая исключительно в биологическом, не-экзистенциальном аспекте. Концепт «голой жизни», представленный в книге “Homo sacer” Джорджо Агамбена, ссылается на различия, проведённые Ханной Арендт между понятиями «биос» (политическая жизнь, полная экзистенциального содержания) и «зое» (чисто биологическая жизнь, общая для всех животных). Современный биологический статус неосмерти (пациент признаётся находящимся в состоянии смерти мозга, в случаях которого закон позволяет изъятие органов) является одним из наиболее очевидных проявлений этой законодательной редукции каждого до голой жизни.

Люди: термин Мартина Хайдеггера (Бытие и время, кн. 1, § 27). Люди — это те, к кому примыкает Блум, те, кто призывает его быть средним. Речь идёт не о внешнем или трансцендентном властном предписании, но о глубоко усвоенном в виде соответствия другим. Люди это то, что толкает человека «всё-таки» идти голосовать, хотя он не питает совершенно никаких иллюзий в отношении электорального фарса. Однако каждый, чтобы предотвратить этот невыносимый детерминизм, стремится выявить небольшие различия между собой и другими, которые могли бы дать ему иллюзию собственной индивидуальности. Таким образом, турист никогда не признает, что он является «туристом», он будет искать места, ещё не затронутые туризмом, но поскольку он далеко не единственный, кто это делает, он там быстро обнаружит себя погружённым в массу не-туристов. Искусство дистанций заключается в том, чтобы беречь себя от подобных безобидных иллюзий.

Семиократия: власть, которой единолично владеют собственники рыночной семиотики (рекламные агентства, модельеры и т. д.).

Сообщество: свободное объединение индивидуумов, устанавливающих форму совместной жизни.

Спектакль: термин Ги Дебора, используемый с тем же смыслом.

Планы на Будущее:

Дж. Агамбен. Профанации (вышла в свет)

Р. Ванейгем. Бесцеремонная история сюрреализма

Б. Блэк. Анархия и демократия

Н. Гурьянова. Эстетика анархии

Ги Дебор. Против кинематографа

Корректор: Наталья Солнцева

Вёрстка: Стефан Розов

Книгоиздательство «Гилея»

www.hylaea.ru

Отпечатано в ООО «Типография Момент»

Московская область, г. Химки, Библиотечная ул., 11

Тираж 700 экземпляров